

ЗАМѢТКИ О КРЫМСКОЙ ВОЙНѢ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Предлагаемая при семь статья была написана въ іюль 1856 года, во время очищенія Крыма войсками союзниковъ. По окончаніи войны, появилось уже много сочиненій о Крымской компаніи. Настоящее время слишкомъ близко еще къ описываемой эпохѣ, чтобы произнести вѣрное, безошибочное сужденіе о событіяхъ послѣдней войны.

Обиліе историческихъ матеріаловъ составляетъ своего рода затрудненіе для изслѣдователя. Въ особенности въ военной исторіи это ощутительно. Разказы очевидцевъ о военныхъ дѣйствіяхъ, болѣею частію противорѣчатъ другъ другу. Трудно дознаться, какъ дѣйствительно было дѣло. Намъ случалось слышать о сраженіяхъ, въ которыхъ сами участвовали, разказы десяти или пятнадцати офицеровъ, бывшихъ въ нихъ, и каждый разказъ былъ противорѣчіемъ другихъ; между тѣмъ, разказчики были добросовѣстны, не лгали, но они разказывали свои личныя впечатлѣнія, то, что видѣли сами; а что можетъ видѣть въ большомъ сраженіи оберъ-офицеръ, пѣхотный или кавалерійскій; объ общемъ ходѣ боя, онъ можетъ судить лишь по догадкамъ и по разказамъ другихъ; самъ же онъ видѣлъ немного, да притомъ находился въ состояніи болѣе или менѣе напряженномъ, — можетъ быть, въ первый разъ шелъ въ дѣло. Тѣ, которымъ извѣстна диспозиція въ бою и которымъ поручено ея исполненіе,

люди, болѣе опытные и свѣдушіе, конечно, могутъ дать болѣе точныя и вѣрныя показанія о томъ, какъ было сраженіе, но ихъ прямое, личное участіе въ событіяхъ, часто мѣшаетъ имъ высказать истину; факты нерѣдко искажаются ими, съ намѣреніемъ или себя оправдать, или набросить тѣнь на другихъ. Но, возражать мнѣ, всякій на войнѣ долженъ исполнять свой долгъ и забывать личности, заглушать въ себѣ самолюбіе. Конечно, такъ, да вѣдь человѣческую природу передѣлать нельзя. Гдѣ же найти столько людей, недоступныхъ страстямъ. Не должно забывать, что война не есть благотворительное дѣло, что на нее не слѣдуетъ смотрѣть, какъ на коммерческое предпріятіе, или какое либо благотѣльное учрежденіе. Ремесло военное основано на рискѣ и пожертвованіи жизнью — это азартная игра.

Для военного ремесла нужны люди энергическіе, рѣшительные, предпріимчивые, смѣлые. Необходимо, разумѣется, чтобы съ этими качествами соединялись въ нихъ честность, благородство, безкорыстіе. Но опять скажемъ: должно кое-что и прощать людямъ, доказавшимъ на дѣлѣ свои военныя способности, потому что такіе люди рѣдки и для войны необходимы; тогда ихъ не купишь на вѣсъ золота. Слѣдуетъ всегда помнить, что войско для войны держится, а не для мира. На войнѣ одна цѣль и забота: разбить непріятеля, и потому армія должна быть такъ предводительствуема, чтобы можно было достичь этой цѣли; съ другой стороны, надо войско хорошо устроить, а главное: вселить въ немъ военный духъ, уваженіе къ своему ремеслу, поддержать въ немъ военныя преданія о славѣ оружія, воинственность; иначе, хоть Наполеону дайте плохую армію, ничего не сдѣлаетъ. Пословица говоритъ: «одинъ въ полѣ не воинъ».

Восточная война представляетъ явленіе замѣчательное, съ точки зрѣнія исключительно-военной, спеціальной. Мы оставляемъ совершенно въ сторонѣ политическую сторону вопроса. Насъ поражаетъ болѣе всего тотъ фактъ, что государство, считавшееся дотолѣ, и не безъ основанія, первою военною державою въ мірѣ, — въ борьбѣ, продолжавшейся около трехъ лѣтъ, не имѣло нигдѣ положительнаго успѣха въ большомъ, рѣшительномъ бою (исключая Синопа и Азіатской Турціи). Нельзя приписывать однѣмъ случайностямъ, или ошибкамъ въ распоряженіяхъ цѣлый рядъ неудачъ. Наконецъ и эти болѣе или менѣе постоянныя ошибки въ распоряженіяхъ, происходили же въ слѣдствіе какихъ либо общихъ причинъ. Разбирать подробно эти причины и обстоятель-

ства неудобно, по многимъ соображеніямъ, но нельзя умолчать, что изъ всего этого должно сдѣлать тотъ общій выводъ, что, стало-быть, военная система этой державы была неправильна, если при тѣхъ громадныхъ средствахъ къ войнѣ, которыя она имѣла и которыхъ нѣтъ и не было ни въ одномъ европейскомъ государствѣ (мы разумѣемъ численность арміи, способность Русскихъ къ военному ремеслу, дешевизну содержанія войскъ и полную централизацію власти), мы не могли справиться даже съ Турціей, потому что въ началѣ она одна противъ насъ боролась.

Неправильная военная система, иначе, извращеніе понятій о военномъ дѣлѣ, всегда сопровождалось самыми печальными послѣдствіями. Возьмемъ въ примѣръ Францію въ XVIII вѣкѣ. Въ арміи французской господствовалъ тогда элементъ придворный; дѣлали карьеру въ военной службѣ большою частію люди не бывавшіе на войнѣ, войска были предводительствуемы начальниками, назначенными вслѣдствіе интригъ и протекціи, чрезъ іезуитовъ и женщинъ; способные и заслуженные люди, возбуждавшіе зависть и недоброжелательство въ придворныхъ, были заперты и отстранены, и армія французская, — армія Баярда и Дюгесклена, Конде и Тюрення, такъ выродилась, что послѣ Семилѣтней войны, въ особенности послѣ позора Росбахскаго дня, въ Европѣ установилось убѣжденіе, что Французы не въ состояніи выдержать генеральнаго сраженія (*). Между тѣмъ, нація эта доказала достаточно въ послѣдствіи способность свою къ войнѣ.

Примѣръ ложной военной системы другого рода представляетъ прусская армія 1806 года. Исключительное развитіе строеваго направленія, педантизмъ, отсутствіе военнаго духа, шагистика и капорализмъ, стремленіе сдѣлать изъ солдатъ автоматовъ и изъ войскъ машину (**), имѣли тотъ печальный результатъ, что

(*) Одинъ какой-то военный маркизъ того времени сказалъ: *je n'aime pas la guerre, elle gâte le soldat, salit les habits et détruit la discipline.*

(**) Одинъ изъ тогдашнихъ нѣмецкихъ генераловъ, дѣлая смотръ пѣхотному полку, подошелъ къ флангу и, любуясь равненіемъ, сказалъ своимъ адъютантамъ: «посмотрите, какъ стоятъ, каково равненіе, вѣдь стѣна, столбы, просто чудо; одна только бѣда: замѣтите въ штыкахъ шевеленіе, я добивался, отчего это происходитъ и старался прекратить этотъ безпорядокъ, нельзя; это шевеленіе оттого, господа, что люди дышутъ, нельзя; тутъ ужъ ничего не сдѣлаешь; дышутъ!!!» повторялъ онъ, самъ глубоко вздыхая и скорбя о томъ, что нельзя солдатъ привести въ совершенную неподвижность.

въ Иенскую компанію прусскія войска оказали весьма слабое сопротивление Французамъ и монархія Фридриха Великаго была завоевана въ шесть недѣль.

Исключительное строевое направленіе — капорализмъ, есть страшная язва для войска. Бывали примѣры въ военной исторіи, что войска, дурно продовольствуемыя, въ лохмотьяхъ, безъ обуви, съ разстроенной дисциплиной, одерживали таки блестящія побѣды (итальянская армія 1796 года и другія французскія арміи той же эпохи). Но, кажется, не было примѣра, что армія, гдѣ преобладалъ капорализмъ, имѣла бы успѣхи на войнѣ.

Военная ученость, безъ боевой опытности, есть также зло, хотя и меньшее, но довольно значительное. Мы не отрицаемъ здѣсь пользы военныхъ наукъ, но надо, чтобы офицеръ, пройдя курсъ ихъ, узналъ на самомъ дѣлѣ, а не однимъ книжнымъ путемъ, что такое война. О военныхъ способностяхъ офицера нельзя еще судить по тому, какъ онъ выдержалъ экзаменъ въ военной школѣ. Самый неспособный къ военному ремеслу человѣкъ можетъ быть одаренъ памятью и умомъ и хорошо изучить военные науки. Къ несчастію, эта истина, какъ ни проста и ни ясна, она весьма часто оспаривается. Казалось бы, невозможно прослыть за способнаго военнаго человѣка, за авторитетъ въ военномъ дѣлѣ, не бывавшему никогда на войнѣ, но это случается иногда, хотя это все равно, что прослыть хорошимъ морякомъ, не ходивши никогда по морю; хорошимъ живописцемъ или архитекторомъ, не писавши картинъ и не строивши домовъ; хорошимъ врачомъ, не лечивши больныхъ и т. п. Легко разсуждать въ кабинетѣ о военныхъ дѣйствіяхъ, судить, рядить и указывать другимъ ошибки. Но пусть же такой военный критикъ отправится самъ на войну и покажетъ тамъ свою прыть. Можетъ статься, изъ него выйдетъ и хорошій боевой офицеръ (но тогда онъ увидитъ самъ, какъ ошибался прежде въ своихъ сужденіяхъ), а можетъ быть и окажется, что онъ не имѣетъ необходимаго качества для военнаго человѣка, то есть, просто сказать: не можетъ переносить свисту пуль; не всякій въ состояніи глядѣть, не смущаясь, на опасность и не терять въ ней головы. Люди опытные, свѣдущіе, скажутъ, что качества, нужныя для того, чтобы быть хорошимъ военнымъ начальникомъ, немногимъ даются, и что ихъ развиваетъ преимущественно упражненіе. Чтобы булатъ былъ хорошъ, его надо закалить. И люди также должны закалиться для этого страшнаго и славнаго ремесла, которое называется войной, и которое

созидаеть и разрушаетъ государства. Война есть лучшая школа для войскъ, и въ особенности для офицеровъ и начальниковъ. Въ книгахъ не выучишься тому, какъ сдѣлаться полководцемъ. Одно дѣло сидѣть въ кабинетѣ, разбирать и осуждать дѣйствія полководцевъ, выводить правила для войны и строить теорію, и другое дѣло сидѣть на конѣ подъ ядрами, въ то время, какъ смерть летаетъ вокругъ, когда тысячи лицъ глядятъ на ваше лицо и ищутъ въ немъ увѣренности въ побѣдѣ, или надежды на спасеніе, когда отъ вашихъ распоряженій зависитъ или торжество, или гибель людей, вѣранныхъ вашему начальству и вашей отвѣтственности; въ такой моментъ, грозный и важный, ясно думать, разсчитывать и соображать, потомъ спокойно и твердо распоряжаться и приказывать, — немногимъ доступно. Очевидно, что тутъ нуженъ не профессоръ, а полководецъ!

Скажемъ еще, что не было военнаго человѣка, который не дѣлалъ бы промаховъ. И Наполеонъ терпѣлъ пораженія, и часто отъ своихъ ошибокъ. Покойный князь Михаилъ Семеновичъ Воронцовъ, воинъ знаменитый, имѣвшій рѣдкую честь дать Наполеону сраженіе и не проиграть его (*), говаривалъ: «тотъ только не ошибается, кто ничего не дѣлаетъ». На самаго храбраго человѣка могутъ находить минуты нерѣшительности и слабости, такъ сказать, затмѣнія, подобно тому, какъ на сумасшедшаго находятъ иногда свѣтлыя минуты, а на труса минуты храбрости. И потому не должно судить ошибки и промахи людей, доказавшихъ уже прежде свои военныя способности. Такіе начальники будутъ все-таки надежнѣе, чѣмъ новички, люди ученые и неопытные, или, хотя посѣдѣвшіе въ военной службѣ, а не бывавшіе на войнѣ. Пословица говоритъ: «слушай не ученаго, слушай бывалаго».

Строгіе критики и судьи, разбирающіе поведеніе военныхъ людей и не принимающіе сами личнаго участія въ военныхъ дѣйствіяхъ, приносятъ гораздо болѣе вреда, чѣмъ думаютъ.

«Sire», говорилъ маршалъ Вилларъ Людовику XIV, отправляясь въ армію, «je vais combattre vos ennemis, et je vous laisse au milieu des miens (**). Ничто такъ не возбуждаетъ зависти людей,

(*) Дѣло подъ Краоношъ въ 1814 году.

(**) «Государь! я иду поражать вашихъ враговъ, и оставляю васъ среди моихъ».

*J'ai vu des courtisans, téres de fausse gloire,
Détester dans Villars l'éclat de la victoire,*

какъ военная слава. Никому не придется бороться со столькими препятствіями, съ столь сильнымъ недоброжелательствомъ, какъ человѣку, одаренному военными талантами. Лучшіе русскіе генералы: Суворовъ, Кутузовъ, Барклай, Бенигсенъ, Толь, Ермоловъ, развѣ не были порицаемы и зависть не стремилась очернить и затереть ихъ военную славу.

Военному человѣку не слѣдуетъ судить о своемъ ремеслѣ съ точки зрѣнія политической экономіи. Война, конечно, есть зло и зло большое. Но пока люди останутся людьми, пока жизнь человѣчества будетъ представлять не одни лишь логическія дѣйствія, а игру страстей, до тѣхъ поръ и война не исчезнетъ съ лица земли. Исторія человѣчества есть, къ несчастію, исторія войнъ. Странно было бы, если бы военные пустились доказывать вредъ своего ремесла. Всякій могъ бы сказать имъ: зачѣмъ же вы носите мундиръ? Такой разладъ между убѣжденіями и поведеніемъ нелогиченъ и предосудителенъ. Люди не военные могутъ и должны не желать войны, могутъ не любить военныхъ, съ ихъ стороны это будетъ послѣдовательно, но офицеру было бы непростительно не любить своей службы. Онъ будетъ тогда въ ложномъ положеніи, будетъ обманывать и себя, и правительство, и общество, направитъ свою дѣятельность на такое дѣло, которое самъ считаетъ вреднымъ.

Мы сказали, что война есть зло, но вѣдь гдѣ же нѣтъ зла? Мы непомнимъ кто сказалъ: «что высшій неумолимый законъ связалъ въ мірѣ добро и зло въ видѣ неизбѣжнаго условія.» Людей не передѣлаешь. *Il mondo va da se*, — «свѣтъ идетъ самъ собой». При томъ война и военные люди были часто орудіями цивилизаціи и добра. Обратимся хотя къ исторіи Россіи. Отечество наше возвысилось, стало славнымъ и могущественнымъ посредствомъ меча. Обширныя страны, въ которыя солнце никогда не заходитъ, приобрѣтены были Русскому скипетру черезъ завоеванія; въ нихъ внесены были просвѣщеніе, гражданственность, смягчены нравы дикихъ народовъ, тамъ жившихъ: Новороссійскій край, побережья Чернаго моря — чѣмъ были до покоренія ихъ арміями Екатерины II? Страны Закавказскія, Грузія и Арме-

Ils haïssaient le bras qui faisait leur appui.

Il combattait pour eux, ils parlaient contre lui.

Ce héros eut raison, quand cherchant les batailles

Il disait à Louis: je ne crains que Versailles.

Voltaire. Discours sur l'Envie.

нѣ, въ какомъ жалкомъ положеніи находились шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ? Стоять лишь вспомнить опустошеніе Тифлиса персидскимъ шахомъ Ага-Могамедъ-Ханомъ въ 1795 году, ужасы котораго можно сравнить лишь съ ужасами раззоренія Рима варварами. Русскимъ мечомъ освобождена Греція, Молдавія и Валахія и улучшено положеніе христіанъ въ Турціи. А Сибирь и Оренбургскій край—какими пустынями были они до присоединенія ихъ къ Россіи!

Странно и стыдно было бы Русскимъ отвергать свою славу, не признавать этихъ великихъ заслугъ Россіи дѣлу цивилизаци и челоувѣчества. Конечно, скажутъ мнѣ, эти страны цивилизованы были не собственно завоеваніемъ. Такъ, но война была для того необходимымъ путемъ.

Что же касается до преобладанія военнаго элемента во внутренней организаціи государства, въ административной его жизни, нравахъ и обычаяхъ, мы считаемъ это вреднымъ не только для развитія націи, но и для самой арміи.

Французская армія считается теперь одною изъ лучшихъ въ Европѣ. Что же за причины ея превосходства! Армія эта образовалась въ правленіе Людовика-Филиппа, который, какъ извѣстно, не былъ военнымъ въ своей политикѣ внутренней и внѣшней, самъ не занимался вовсе войсками, рѣдко и мундиръ надѣвалъ, да и то національной гвардіи; военные при немъ совершенно отстранены были отъ гражданскаго управленія края. И не смотря на то, при немъ, Французскія войска пріобрѣли тѣ превосходныя военныя качества, которыя выказались въ Восточной войнѣ. Ключъ къ разгадкѣ очень простъ: французская армія образовалась не въ Парижѣ, но въ Африкѣ. Всѣ войска (за немногими исключеніями) были посылаемы по очереди въ Африку и набирались тамъ военнаго духа, учились настоящему военному дѣлу. Во главѣ ихъ стояли и стоятъ люди, обязанные своимъ возвышеніемъ заслугамъ на войнѣ, а не чему либо другому. Въ Африканскихъ лагеряхъ, а не въ Тюильрійскомъ дворцѣ, дѣлали себѣ карьеру французскіе генералы. Особенной военною ученостію они не отличались; по крайней мѣрѣ намъ неизвѣстны во французской арміи такіе начальники, которые пріобрѣли бы себѣ репутацію и авторитетъ въ военномъ дѣлѣ чтеніемъ лекцій въ Парижѣ или однимъ лишь писаньемъ военно-литературныхъ статей. Капорализма во французской арміи нѣтъ и не было. Мы видѣли французскія войска и въ Крыму, и во Франціи, и въ Аф-

рикѣ, жили въ лагерѣ съ ними, видѣли ихъ въ походѣ и на ученьяхъ, на смотре и въ бою. Надо правду сказать: войско хорошее; лучше и не придумаешь. Между тѣмъ строевое образованіе, такъ называемое *доведеніе*, вовсе не развито въ нихъ (*). На ученьяхъ мы видѣли часто ошибки, равеніе плохое, иногда даже въ ногу не попадаютъ, шумъ во фронтѣ.

Однажды, въ Крыму, присутствовалъ я при ученьи 16-го легкаго (91-го линейнаго) полка; офицеры ошибались, полковой командиръ поправлялъ ихъ безъ гнѣва и крика; одному баталіону скомандовано было направо: половина людей разомъ повернулась, а другая вѣрно неслыхала, и потомъ уже исполнила поворотъ кой-какъ; я видѣлъ, что подобные случаи нерѣдки и французскіе начальники нисколько не приходятъ оттого въ негодованіе (**). На штурмѣ Севастополя, 16-й легкій полкъ показалъ свою доблесть. Смотръ французской и англійской армій въ Крыму, въ присутствіи русскаго главнокомандующаго, могъ показать всю разницу между обѣими союзными арміями. Всякій могъ видѣть тамъ, что Французы маршировали плохо. Мы нашли тогда во французской арміи большое сходство съ Кавказскими полками: свободный и непринужденный видъ людей, походка ихъ и ухватки напоминали намъ Кавказцевъ. Сходство это понягну, потому что и тѣ и другія войска занимались однимъ дѣломъ—войною, и система военная одна и таже во французской и въ кавказской арміяхъ, то есть главнѣйше обращено вниманіе на развитіе военнаго духа и боевыхъ достоинствъ. Конечно, во внутреннемъ устройствѣ ихъ много разницы въ подробностяхъ, но это, повторяемъ, не такъ важно. На томъ же смотре, видя Англичанъ, можно было понять, почему они имѣли одни лишь неудачи въ Крыму: церемониальный маршъ былъ исполненъ англійской арміей превосходно, люди маршировали отлично, равеніе безукоризненное, мундиры блестящіе, однимъ словомъ,

(*) Гарнизонная служба исполняется хорошо.

(**) Намъ случалось видѣть, какъ главнокомандующій князь Воронцовъ смотрѣлъ баталіоны, возвращавшіеся въ Тифлисъ съ экспедиціи; онъ дѣлалъ имъ иногда небольшія ученья и какія бы ни случались ошибки на этихъ ученьяхъ, онъ никогда не сердился на то и всегда благодарилъ войска, смотря потому, какъ они служили въ экспедиціи. Надѣмся, что князь Михаилъ Семеновичъ зналъ хорошо войну, военное дѣло и военную службу, былъ однимъ изъ знаменитыхъ нашихъ вождей, изъ людей, прославившихъ русское оружіе.

этотъ парадъ походилъ на великолѣпный балетъ. Подлѣ меня стояли французскіе офицеры: они подсмѣивались, глядя на шотландскіе полки, пестро одѣтые, проходившіе съ музыкой изъ гудковъ и волюнокъ и говорили: *comme c'est l'Opéra-Comique!*

Французскіе солдаты, большею частію не большаго роста, казались мальчишками, замарашками, предъ рослыми Англичанами, одѣтыми въ богатые мундиры, затянутыми, вымуштрованными. Между тѣмъ извѣстно, какъ служили обѣ арміи въ послѣднюю войну. Англичане имѣли вездѣ болѣе или менѣе неудачи, потому, что у нихъ обращено было исключительное вниманіе на хорошее казарменное устройство, красивое обмундированіе войскъ и на строевыя ученія (*). За двумя зайцами гоняться нельзя. Если заботиться о томъ только, чтобы войско было красиво, то нельзя не упустить болѣе важныхъ обстоятельствъ. Да и при томъ, эта наружная краса есть условное понятіе. Намъ, Кавказскіе солдаты, одѣтые въ полшубки, подпоясанные ремнемъ, на которомъ виситъ трубка, огниво, иногда кинжалъ или ножикъ, въ папахахъ и башлыкахъ, — кажутся красивѣе, чѣмъ, напримѣръ, папская гвардія, разодѣтая въ пухъ (**). Въ пер-

(*) На смотру англійской арміи, подлѣ меня стоялъ штабъ-офицеръ изъ ополченыхъ. Видя марширующихъ Англичанъ, онъ пришелъ въ такой восторгъ, что вскричалъ: «Вотъ это такъ войско, это не то, что Французы: тѣ ходитъ не умѣютъ; шагу вовсе нѣтъ у тѣхъ, а вотъ это молодцы. Ставить въ упрекъ, что штурмъ ихъ отъ 3-го бастиона былъ отбитъ; неудачи ихъ вѣрно отъ ошибокъ начальниковъ происходили. А войско ихъ отличное, во Французской же арміи право ничего хорошаго не вижу». Такъ сильно бываетъ иногда извращеніе понятій о военномъ дѣлѣ и овладѣваетъ и умными людьми. Что же, если бы этому штабъ-офицеру показать наши геройскіе полки Кавказскіе въ зимнія и лѣтнія экспедиціи, или даже на смотру главнокомандующаго: онъ пришелъ бы въ ужасъ.

(**) Генералъ К. В. рассказывалъ разъ при мнѣ въ Севастополѣ, что однажды, проѣзжая около казармъ Образцоваго полка, въ Царскомъ Селѣ, онъ увидалъ кадроваго унтеръ-офицера, учившаго кавказскаго солдата ружейнымъ приѣмамъ. Генералъ, служившій самъ на Кавказѣ подошелъ къ нимъ. Солдатъ былъ Куринецъ.

«— Давно ты на службѣ?»

«— 10 лѣтъ, В. С.

«— Бывалъ въ экспедиціяхъ?»

«— Каждый годъ, В. С.; я раненъ.

«— Чему же ты его учишь? спросилъ К. В. кадроваго унтеръ-офицера.

«— Прикладываться, отвѣчалъ тотъ.

выхъ есть краса мужественная, воинственная, а вторые лишь смѣшны.

Не должно думать, что французская армія успѣхами своими въ прошедшую войну обязана исключительно Венсенской школѣ и нарѣзному оружію. У Англичанъ и Турокъ было неменѣе нарѣзнаго оружія; у Англичанъ даже относительно болѣе, не смотря на то у нихъ были постоянно неудачи, а Французы дрались вездѣ хорошо. У Турокъ въ Кюрюкъ-даринскомъ дѣлѣ было шесть штуцерныхъ баталіоновъ, а въ Кавказской арміи одинъ только, и все таки Русскіе побили Турокъ на голову.

Французы посылали всю свою пѣхоту и всѣ стрѣлковые баталіоны по-очереди въ Африку на службу. Ничто такъ не обрадуетъ войска и офицеровъ, какъ эта небольшая война, сопряженная съ незначительными потерями въ бояхъ, и слѣдовательно необезкураживающая на первыхъ порахъ сильнымъ урономъ небывавшее еще въ огнѣ войско—новичковъ. Ничто такъ не пріучаетъ начальниковъ, офицеровъ и солдатъ къ разнообразной мѣстности, къ походу, опасности и встрѣчѣ съ непріателемъ. Нашъ Кавказъ есть непревосходнѣйшая въ этомъ отношеніи школа; тамъ войны болѣе, чѣмъ въ Африкѣ.

Приведемъ одинъ фактъ. Кавказская армія служила въ послѣднюю войну съ старыми кремневыми ружьями, а непріатель былъ съ ударными ружьями и штуцерами, и все таки побѣждали одни кавказскія войска.

Тѣ, которые полагаютъ, что хозяйственная часть у Французовъ отлично устроена и что успѣхами своими они обязаны этому обстоятельству, — также ошибаются. Во-первыхъ, и русская армія нетерпѣла недостатка въ продовольствіи и фуражѣ; война же стоила несравненно боѣе денегъ Французамъ, чѣмъ намъ. Въ Эксѣ (въ Провансѣ) учреждена была коммиссія, кажется и теперь еще незакрытая, для повѣрки расходовъ во время войны; говорятъ она открыла значительныя злоупотребленія. Въ Марсели, въ февралѣ 1857 года, былъ судимъ одинъ интендантскій чиновникъ, бывший въ Крыму при приѣмкѣ палатокъ, и по суду было доказано, что онъ укралъ триста-тысячъ франковъ; онъ былъ присужденъ на пять лѣтъ на каторжную работу.

Дисциплина и отношенія между офицерами и нижними чинами, во французской арміи, болѣе патянуты, чѣмъ у насъ. Нѣтъ лучше русскаго солдата въ этомъ отношеніи.

Что же касается до врожденныхъ способностейъ къ военному ремеслу, то всякій согласится со мною, что Русскіе въ этомъ не уступаютъ никому. Русскій солдатъ терпѣливѣе французскаго и способнѣе его переносить труды и лишения. Правда, у него нѣтъ той пылкости, какъ у Француза, той стремительности въ атакѣ, этой *furia francese*, издавна извѣстной. Но и нашъ солдатъ не менѣе отваженъ и мужественъ; надо лишь умѣть развить и поддержать въ немъ эти качества, хорошо обращаться съ нимъ и не запугать его; надо, чтобы онъ гордился своимъ ремесломъ, какъ гордится имъ, напримѣръ, кавказскій солдатъ или черноморскій матросъ. Вѣдь Кавказская армія и Черноморскій флотъ изъ тѣхъ же русскихъ людей были составлены, тотъ же русскій мужичекъ шелъ матросомъ во флотъ, или солдатомъ на Кавказъ, тотъ же русскій бѣдный дворянинъ служилъ тамъ офицеромъ. Надѣюсь, что никто не оскорбится, если мы скажемъ, что моряки черноморскіе, въ особенности, покрыли себя славою въ Севастополѣ и что честь этой обороны главнѣйше имъ принадлежить. Неустрашимость и мужество офицеровъ и матросовъ черноморскихъ выше всякой хвалы.

Въ Севастополь прибылъ съ Кавказа, въ концѣ мая, генералъ, извѣстный своей безоглядой отвагой, прострѣленный насквозь и въ голову и въ грудь еще въ Ахульгинскую экспедицію. Онъ былъ назначенъ начальникомъ одного изъ отдѣленій оборонительной линіи; 25 мая, въ 3 часа по полудни, началось бомбардированіе; онъ отправился немедленно на четвертый бастионъ, который былъ, такъ сказать, въ полномъ изверженіи, и обошелъ ввѣренные ему верки въ самомъ пылу бомбовой, ядерной и гранатной бури, тогда свирѣпствовавшей (*). Часовъ въ 7 вечера при-

(*) Да не сочтутъ эти выраженія слишкомъ метафорическими. Кто видѣлъ въ Севастополѣ такъ называемое усиленное бомбардированіе, тотъ согласится, что слова эти: *буря, жетель*, болѣе всего могутъ быть къ нему примѣнны. Для небывавшихъ въ Севастополѣ, чтеніе Данта можетъ дать понятіе о тамошнемъ адѣ. Кажется человѣческое тѣло никогда не было такъ терзаемо, какъ въ Севастополѣ. Какихъ мученій можно было тамъ насмотрѣться. Стояло лишь придти ночью на перевязочный пунктъ во время горячаго траншейнаго дѣла; уже подходя къ дому Собранія (гдѣ долго былъ перевязочный пунктъ), вы слышали бы глухой хоръ воплей и стоновъ, востройный и дикій; раненыхъ вносятъ цѣлыми колоннами въ большую залу, нагѣво комната гдѣ дѣлаютъ ампутаціи. Тамъ, весь въ крови, съ си-

шелъ я къ нему на бастионъ и нашелъ его уже контуженнымъ въ руку камнями (легко). «Знаете ли, сказалъ онъ мнѣ, говоря съ легкимъ нѣмецкимъ акцентомъ:—а морскіе офицеры удивительно неустрашимые люди, и матросъ храбрый человѣкъ, очень храб-

гарой въ зубахъ, спокойно и невозмутимо работаетъ ножомъ царь этого ада, знаменитый хирургъ, честь и гордость нашего медицинскаго сословія. Взгляните на кровать, на которой лежитъ пациентъ: онъ подъ дѣйствіемъ хлороформа и не слышитъ, какъ ему рѣжутъ ногу; но вотъ его заставили очнуться и раздастся его дикій крикъ, вызванный страшною болью. А вотъ подлѣ ампутаціонной постели, этого настоящаго Проскутова ложа, лежитъ только что принесенный на носилкахъ другой раненный, блѣдный, дрожащій, который ждетъ своей очереди; его участь уже рѣшена, хирургъ сказалъ: руку прочь, или ногу прочь. Онъ слышалъ свой приговоръ, а пока глядитъ, какъ другому рѣжутъ члены. А вотъ принесли смертельно раненыхъ и имъ произносятъ приговоръ: «въ домъ *Гущина*» и везутъ ихъ туда, а *Гущина* домъ все одно, что кладбище,—тамъ приговоренные къ смерти лежатъ, и по истинѣ на воротахъ этого дома можно было написать извѣстный стихъ Данта: «*Lasciate ogni speranza voi ch'entrate*» (Оставьте всякую надежду вы, входящіе). А какія раны: у одного черепъ вскрытъ, и еще онъ дышитъ, у другаго животь прорванъ, у третьяго лопатка сбрита осколкомъ. Мы часто спорили съ нашими докторами, доказывая имъ необходимость сокращенія мученій смертельно раненыхъ и ускоренія ихъ смерти; большая часть медиковъ не соглашалась съ нами, а казалось бы и человѣколюбіе требовало этого.

Какія интересныя психологическія наблюденія можно было дѣлать тамъ, напримѣръ, надъ предчувствіями. Солдаты, раненые въ ногу, часто говорили, что наканунѣ они видѣли во снѣ, какъ черная кошка укусила ихъ за ногу. А тотъ офицеръ, убитый въ дѣлѣ генерала Хрулева 11 марта, который, наканунѣ своей смерти, вернувшись къ себѣ домой ночью и ложась спать, имѣлъ галлюцинацію и увидѣлъ свою голову въ крови на подушкѣ. Съ другой стороны, было много такихъ смертныхъ случаевъ, гдѣ не было никакого предчувствія. Майоръ Рудановскій сказалъ за три часа до своей смерти: «еще та пуля не вылита, которая меня убьетъ.»

Куда дѣлись знакомыя Севастопольскія лица: этотъ офицеръ, которому прозвище было *Бомбондъ*, и котораго, дѣйствительно, бомбы казалось, не смѣли коснуться, а только осколки рвали на немъ платье, а онъ всякій разъ при такомъ случаѣ сердился и серьезно говорилъ: «вотъ, опять новую шинель испортили, на нихъ не напасешься»; а молодые пѣхотные юнкера, ординарцы генерала Хрулева, извѣстные всему гарнизону! А этотъ отчаянный саперный юнкеръ, польскій уроженецъ, участвовавшій во всѣхъ самыхъ опасныхъ работахъ и на Камчаткѣ, и на четвертомъ бастионѣ, и въ Шварцовскихъ траншеяхъ, и который, когда предполагали, послѣ взрыва непріателемъ минъ передъ четвертымъ бастиономъ, занять воронки (предпріятіе слишкомъ отважное и которое не было исполнено), назначался на эту экспедицію съ охотниками! А офицеры, завѣдывавшіе охотниками и ходившіе на вылазки: они напоминали тѣхъ птицъ, которыя спятъ днемъ, а ночью пускаются на добычу! А пластуны, которые въ темнотѣ подползали какъ змѣи

рый человекъ.» Такъ отзывался человекъ, котораго можно считать знатокомъ въ храбрости и который поѣхалъ съ Кавказа въ отпускъ и на пути заѣхалъ въ Севастополь и просидѣлъ тамъ на четвертомъ бастионѣ до конца осады.

въ непріятельскимъ траншеямъ, и начальникъ ихъ, архи-пластунъ, эсаулъ—*Черноморскаго конно-пишаго* войска,—что это за желѣзные были люди! А морскіе офицеры, изъ которыхъ каждый дѣлалъ чудеса храбрости! Сколько было тамъ явленій и типовъ, гдѣ трагическое смѣшивалось съ забавнымъ. Фурштатъ Севастопольскій, котораго обязанность была возить снаряды на батареи, и который, бывало, во время бомбардированія, ѣдетъ на тройкѣ, сѣдя на облучкѣ, а въ телегѣ сзади его цѣлый вулканъ, и ждетъ онъ, что упадетъ въ телегу къ нему граната и онъ взлетитъ на воздухъ; и вотъ упала бомба передъ его тройкой, лошади испугались и стали пятиться назадъ, онъ сидитъ—ни живъ, ни мертвъ на облучкѣ, и дѣться ему некуда; и вотъ разорвало бомбу и убило пристяжную, и онъ возится, распрягаетъ ее, какъ летитъ новая бомба... Или, фурштатъ везетъ воду, а ядромъ пробило бочку, онъ скачетъ, а вода плещетъ... А сигналисты изъ матросовъ, караулившіе полетъ снарядовъ! Одинъ изъ нихъ, говорять, прокричалъ ту бомбу, которая его самого въ слѣдъ за тѣмъ убила... А матросскія жены, ходившія къ мужьямъ на бастионы! Иныя изъ нихъ были красныя; одну несутъ съ бастиона на носилкахъ, попался офицеръ и спрашиваетъ, чѣмъ она равена? «Знамо дѣло, ступеромъ!» отвѣчаетъ она съ досадою... А матросскія дѣти, мальчики гдѣть восьми или десяти, ходившіе собирать пули на театральную площадь, по которой ходили лишь въ траншеѣ. И увидитъ такого сорванца матросъ и кричитъ на него: «что ты тутъ бродишь, убьютъ!» Онъ и спрячется, а потомъ опять выльзетъ, его замѣтятъ изъ непріятельской траншеи и стрѣляютъ въ него, а онъ подбираетъ пули (за нихъ платили).

А вотъ стоитъ баталіонъ, готовится идти на ночь въ траншеи или ложементы: солдаты заряжаютъ ружья и слышенъ ихъ говоръ: «братцы, не покните, если повалятъ, не оставьте на полѣ!» (Это Ярославецъ, онъ говоритъ на о). А тутъ Хохолъ ворчитъ: «а кажу бисовы диты еко пекло». А тамъ Полякъ бранится: «нехъ ихъ виштики дьябли...» Польскіе уроженцы, офицеры и солдаты, служили въ Севастополѣ съ блестящей храбростью, которою издавна народъ ихъ славенъ.

Подобно библейскимъ городамъ, истребленнымъ огнемъ, шедшимъ съ неба, Севастополь былъ разрушенъ дождемъ чугуна и свинца и дождь этотъ шелъ 11 мѣсяцевъ, усиливаясь по временамъ. Какихъ гостинцевъ не прилетало отъ врага: и мраморныя ядра, и цинковыя и хрустальныя были. А звуки издаваемые снарядами?—каждый отличался особою мелодіей: пули шуцерныя имѣли свой свистъ и визжанье, измѣнявшіяся послѣ рикошета; ядра шумѣли, бомба предательски посвистывала, падала, и потомъ разрывалась со звономъ; но хуже и гнуснѣе всего былъ звукъ осколковъ. Птицъ биле въ воздухъ. Были собаки и кошки съ ампутированными лапами; на Корабельной былъ бульдогъ, у котораго одна изъ заднихъ ногъ была оторвана осколкомъ. Его залечили, но онъ вздрагивалъ всякій разъ, когда по близости разрывало бомбу: онъ зналъ, что это значитъ. Въ Севастополѣ были слыш

Кавказская армія оказала не менѣ заслугъ. Въ Бангъ-кадылярскомъ дѣлѣ, десять баталіоновъ разбили цѣлую турецкую армію: вѣдь это подвигъ, подобные которому лишь во времена Румянцова и Суворова совершались, да и тогда, кажется намъ, легче было справляться съ Турками, потому что у нихъ не было регулярныхъ войскъ, оружіе огнестрѣльное было плохое, артиллерія мало подвижная. Побѣдъ этой не отдали должной справедливости. Мы слышали такія сужденія отъ близорукихъ критиковъ: «въ этомъ сраженіи были нарушены правила

ны только звукъ снарядовъ, гулъ орудій, говоръ людей и стоны раненыхъ; въ барабаны не били; сначала отпѣвали офицеровъ съ музыкой и пѣніемъ, но во время втораго бомбардированія князь Васильчиковъ запретилъ музыку и пѣніе, потому что это сильно тревожило раненыхъ офицеровъ, лежавшихъ въ домахъ на Екатерининской улицѣ, по которой проносили покойниковъ. Иногда гробы офицеровъ ставили на катера и отплывали на Сѣверную съ музыкой, и видъ этихъ катеровъ, среди яснаго солнечнаго дня, представлялъ что-то веселое и праздничное. Такъ хоронили Лаврова (штабъ-капитана генеральнаго штаба, весьма храбраго офицера, подававшего большія надежды). А Харонъ, Севастопольскій офицеръ, завѣдывавшій перевознымъ пунктомъ во все время осады, родомъ Молдаванъ; каждый мертвецъ прошелъ черезъ его руки. Тѣла убитыхъ свозили подъ вечеръ въ баркасѣ, а иногда и въ нѣсколькихъ, на Сѣверную, и выгружали въ Куриной балкѣ у сарая; тамъ уже ждалъ ихъ унтеръ-офицеръ, постоянно при сараѣ находившійся, принималъ счетомъ и клалъ тѣла на полъ сарая, и покрывалъ чистымъ полотномъ; тутъ они ночевали, а на другой день хоронили ихъ на кладбищѣ, въ общей могилѣ; матросовъ хоронили по богаче: у каждого былъ гробъ особый; пѣхотныхъ же въ кучѣ клали.

Волинскій полкъ потерялъ двухъ полковыхъ командировъ въ Севастополѣ (послѣ генералъ-маіора Хрущова, прославившагося въ осадѣ) и $\frac{1}{4}$ людей; послѣ побѣды 26 мая, изъ полка нельзя было даже баталіонъ сформировать; ихъ отправили на Сѣверную сторону и заставили тамъ копать могилы, потомъ нѣсколько пополнили людьми (кажется изъ маршевскихъ баталіоновъ) и привели обратно въ Севастополь.

А перемирія для уборки тѣлъ. Это были праздники для гарнизона, а казалось бы такое зрѣлище ничего утѣшительнаго не представляло: поле, покрытое окоченѣвшими и почернѣвшими мертвецами: иной убитъ на повагъ, когда подносилъ къ губамъ патронъ, изъ сумы и рука окаменѣла на вѣсу. Матросы и солдаты ходили смотрѣть на непріятеля и возвращались очень довольные и безъ малѣйшаго враждебнаго чувства къ Французамъ или Англичанамъ. «Чтожь, потолковали съ ними; а они такіе же солдатики, какъ мы, свой долгъ сполняютъ». А толкованье это состояло обыкновенно въ томъ, что хлопали другъ друга по плечу и приговаривали: «*камрадъ, камрадъ, бою*», и потомъ разноживали виѣстѣ табакъ, при чемъ Французъ закашливался отъ зеленчака; или непріятельскіе солдаты подчивали нашихъ водой съ водкой изъ манерокъ (родъ грога). А дни большихъ дѣлъ — рековые дни, пушечный гулъ которыхъ отдавался во всей Европѣ.

Все это забыто теперь. А была трагедія на славу.

тактики. Пѣхота была въ одну линію; ни второй линіи, ни резервовъ не было». Да ихъ потому не было, что ихъ не изъ чего было составить, непріятеля было такъ много, что надо было войска въ одну линію вытянуть, чтобы вездѣ отпоръ отбить. И какіе блестящіе трофеи: половина турецкой артиллеріи, знамена, обозъ, лагерь, плѣнные. Не менѣе знамениты побѣды Кюрюкъ-даринская и Чолокская.

Случалось намъ бывать въ дѣлахъ, послѣ которыхъ идетъ разсужденіе, кто дѣло выигралъ — мы или непріятель? А въ Азіатской Турціи и разсуждать было нечего: тутъ въ воздухѣ, такъ сказать, слышно было, кто побѣдитель, и спора и сомнѣнія въ томъ никакого не могло быть; побьютъ Турокъ и всего въ волю достанется: пушекъ, знаменъ, плѣнныхъ, обоза, провіанта, лошадей; смотрѣть любо военному человѣку. Вотъ это такъ побѣды. И не съ плохимъ непріателемъ имѣли дѣло; не какіе нибудь Бухарцы или Персіяне, а храбрые люди, Курдистанскій и Эрзерумскій корпуса (которые и до войны бывали въ экспедиціяхъ противъ Курдовъ и Лазовъ). А турецкая иррегулярная конница! — до 10,000 конныхъ Куртинъ бывало въ турецкой арміи; правда, что она боится артиллерійскаго огня; но если передъ ней дать тылъ, то не одинъ человѣкъ не уйдетъ, — на преслѣдованіе нѣтъ свирѣпѣ этой конницы. И съ какими трудностями была сопряжена эта война въ Азіатской Турціи: съ тылу горцы, отдаленность отъ Россіи, затруднительность сообщеній черезъ главный хребетъ, край населенъ племенами полувраждебными, мѣстность гористая. Подъ конецъ войны Омеръ-паша высадился въ Мингреліи и все таки Кавказская армія вышла побѣдительницей изъ этой тяжелой борьбы. Заданъ былъ ей экзаменъ на славу. И выдержала экзаменъ съ честью. Карскій штурмъ былъ, правда, отбитъ, но отбитый штурмъ не есть стыдъ для войска. Лучшая пѣхота можетъ быть отбита на штурмѣ, и 6-го іюня Французы были также отбиты въ Севастополѣ. Вотъ что говорилъ о Кавказской арміи и карсскомъ штурмѣ генералъ Вилліамсъ. Это врагъ: онъ льститъ не станетъ. «Русская армія» сказалъ онъ на публичномъ обѣдѣ, данномъ въ честь его по возвращеніи въ Англію: «есть лучшая, какую я когда либо видѣлъ, — это армія изъ чистой стали. Она дралась на штурмѣ Карса въ продолженіе семи смертельныхъ часовъ и сдѣлала все, что человѣчески возможно было сдѣлать!» Такой отзывъ изъ устъ врага есть, конечно, наилучшая хвала Кавказской арміи.

Въ послѣднее время появилось много печатныхъ обвиненій и нападокъ на военное сословіе. Обвиненія эти и нападки со стороны людей невоенныхъ не возбуждаютъ въ насъ негодованія. Мы признаемъ, что общество имѣетъ право судить наши дѣйствія и уважаемъ искреннія убѣжденія, хотя они были бы совершенно противоположны нашимъ, но когда убѣжденія искренни, то и поведение имъ соотвѣтствуетъ. Въ прошедшемъ году появилось довольно статей, обличавшихъ различныя злоупотребленія въ военномъ вѣдомствѣ, выставившихъ дурныя стороны нашей арміи — ея изнанку. Должно сказать здѣсь, что подъ словомъ армія разумѣемъ мы, да и вообще принято разумѣть, войска, расположенныя въ различныхъ мѣстахъ Россіи, но то, что мы осмѣлимся назвать военнымъ Петербургомъ, сюда не причисляется. При этомъ обличеніи недостатковъ и изнанки нашей арміи, петербургскій военный міръ не былъ затронутъ.

Скажемъ здѣсь нѣсколько словъ о пользѣ, могущей произойти отъ гласности, отъ печатнаго обличенія зла. Разумѣется, мы ограничимся здѣсь примѣненіемъ этого къ военному сословію. Посмотримъ, какъ это дѣлается въ странахъ, гдѣ существуетъ неограниченная свобода книгопечатанія, на примѣръ, въ Англіи. Въ началѣ Крымской экспедиціи, англійская армія пришла въ разстройство. Общественное мнѣніе встревожилось. Лондонскіе журналы наполнились описаніями бѣдствій арміи. Главнымъ органомъ этого обличенія былъ, какъ и всегда, журналъ *Times*. Извѣстно, какую силу имѣетъ голосъ этого журнала въ Англіи: это своего рода присутственное мѣсто, контрольное учрежденіе. Корреспондентомъ *Times* въ Крыму былъ нѣкто В. Россель, человекъ даровитый, съ большими свѣдѣніями и опытностью. Не будучи военнымъ и не принадлежа къ арміи, онъ былъ въ независимомъ положеніи, могъ свободно высказывать свои мнѣнія, не увлекаясь ни чувствомъ военнаго честолюбія и желаніемъ сдѣлать карьеру въ военной службѣ, ни чувствомъ соперничества къ другимъ военнымъ. Сообщаемыя имъ извѣстія печатались въ *Times*; они принимались къ свѣдѣнію правительствомъ, то есть министрами и парламентомъ; на нихъ ссылались ораторы въ парламентскихъ преніяхъ. Главная цѣль этого обличенія была прекратить разстройство арміи въ Крыму, усилить ее, а не одно лишь поношеніе — стремленіе предать осмѣянію и поруганію Англичанъ, находящихся въ Крыму. Всѣ партіи соединились въ этомъ общемъ желаніи — поддержать и увеличить силу

и могущество Англии, которыя въ тотъ моментъ были представляемы Крымскою арміею. Честный Джонъ-Буль огорчился, узнавъ о несчастіи своихъ въ Крыму; сталъ сердиться, кричать, бранить министровъ; но не радовался тайно бѣдствіямъ своей арміи, а искренно, нелицемѣрно скорбѣлъ о томъ. Армія англійская въ послѣдней войнѣ оказалась хуже французской, но вѣдь не надо забывать, что военная сила Англии преимущественно состоитъ въ ея флотѣ. Англія есть островъ, и потому не имѣетъ надобности держать большую армію. Но что бы тамъ сказало общественное мнѣніе, если послѣ войны офицеры, не принимавшіе участія въ Крымской экспедиціи, да и вообще не бывшіе ни въ какой другой войнѣ, стали бы печатать статьи, выставяя въ нихъ пороки и смѣшныя и дурныя стороны военнаго сословія. Подобныя поступки подверглись бы общему нареканію, а военное сословіе въ Англии приняло бы ихъ съ негодованіемъ. Литература англійская, конечно, выставяетъ иногда въ смѣшномъ видѣ военные типы и это никого не оскорбляеть, но систематическая диффамация (поношеніе) арміи военными же людьми, не принимавшими участія въ трудахъ и подвигахъ этой арміи и не бывшими никогда на войнѣ, была бы сочтена поведеніемъ, недостойнымъ джентльмена. *Times* первый сталъ бы кричать противъ того. У Англичанъ существуетъ полная свобода книгопечатанія, но это не значитъ, что тамъ можно печатать всякую клевету безнаказанно. Хорошій журналъ и не приметъ такой статьи на свои столбцы.

Мнѣ возразятъ: что за дѣло, кто обличаетъ, кто выставяетъ зло, военный или не военный, лишь бы говорилъ правду. Но, во-первыхъ, правду ли онъ еще будетъ говорить, а во-вторыхъ, можетъ ли онъ еще знать правду, и потомъ не надо забывать, что у военнаго должны быть обязанности къ своему сословію. Въ парламентѣ англійскомъ — слово свободно. Но вѣдь и тамъ, когда рѣчь идетъ объ арміи, то слушаютъ людей опытныхъ, большею частью старыхъ генераловъ; ихъ сужденія и голосъ уважаются. И если бы какой нибудь молодой офицеръ, не бывшій никогда на войнѣ, сталъ бы судить и рядить объ арміи, и захотѣлъ бы составить себѣ имя и военную репутацію и, пожалуй, сдѣлать военную карьеру единственно лишь осужденіемъ военнаго сословія, то ему досталось бы порядочно, во-первыхъ отъ его товарищей, а потомъ и общественное мнѣніе его бы осудило.

Скажутъ , человекъ долженъ быть сперва гражданиномъ , а потомъ воиномъ. Пожалуй и такъ; но вѣдь изъ этого не слѣдуетъ , что онъ во всѣхъ дѣйствіяхъ своихъ долженъ помнить лишь права и обязанности гражданина , и забывать совершенно , что онъ военный. Можно сказать также , что всякій долженъ быть сперва *человѣкомъ* , а потомъ Русскимъ , Французомъ , Англичаниномъ и т. д. Но и этимъ не слѣдуетъ увлекаться. Возьмемъ примѣръ хоть изъ военнаго дѣла. Крѣпость въ осадѣ; непріятель старается ея овладѣть , употребляетъ къ тому всѣ средства , отыскиваетъ слабыя мѣста въ веркахъ , чтобы открыть себѣ въ нее входъ. Онъ совершенно въ правѣ это дѣлать , и дѣйствуя враждебно , поступаетъ прямо , открыто и благородно. Но что если бы въ гарнизонѣ нашлись такіе люди , которые бы стала разсуждать , что такъ какъ крѣпость рано или поздно должна будетъ сдаться , то слѣдуетъ изъ человѣколюбія прекратить это бесполезное кровопролитіе и облегчить непріятелю овладѣніе крѣпостью , указать ему слабую ея сторону , открыть ему входъ и для того войти съ нимъ въ сношенія , дѣлая это не изъ корыстныхъ видовъ , но изъ желанія общаго блага , изъ обще-человѣческихъ побужденій,—то подобное поведеніе , конечно , на всѣхъ языкахъ названо было бы предательствомъ.

Приведемъ другой примѣръ. Живя во Франціи , намъ случилось часто слушать политическіе споры и сужденія , и мы замѣчали , что болѣе всего осуждали въ политическихъ людяхъ несогласіе ихъ поведенія съ политическими правилами , или отступничество. Ничего хорошаго не скажутъ о легитимистѣ или республиканцѣ , который пойдетъ служить нынѣшнему французскому правительству , и въ особенности если онъ , служа этому правительству , втайнѣ будетъ копать ему яму и , между тѣмъ , происками стараться возвыситься.

Понимается , что мы приводимъ эти примѣры не для того , чтобы по нимъ строго осуждать военныхъ людей , проникнутыхъ анти-военнымъ духомъ и писавшихъ статьи противъ арміи; но чтобъ показать , на какой ложный путь можно иногда увлечься. Это анти-военное направленіе офицеровъ рождается большею частью случайно , иногда соединяется съ хорошими намѣреніями; но вѣдь однихъ добрыхъ намѣреній еще не достаточно. Французы говорятъ: *l'enfer est pavé de bonnes intentions*.

Нельзя умолчать однако , что почти всѣ статьи , содержавшія въ себѣ то , что мы рѣшаемся называть диффамациею арміи , были

писаны военными, не принимавшими участія въ послѣдней войнѣ. Положимъ, что все въ арміи было плохо, но мы служили какъ умѣли, по мѣрѣ своихъ силъ и способностей. Были промахи, ошибки; были безпорядки по хозяйственной части, но объ этомъ особо. Для чего же эти люди, которые послѣ мѣра стали возвышать свой голосъ, не отправились сами на войну и не поучили насъ какъ нужно служить. Имъ бы и книги въ руки, или лучше сказать оружіе въ руки, потому что военному дѣлу нужны не книжные люди. Суворовъ говорилъ: «Каменскій (*) знаетъ тактику, а я знаю практику». Послѣдняя война показала у насъ недостатокъ не въ ученыхъ офицерахъ, но въ боевыхъ офицерахъ. Во французской арміи знаемъ мы очень много офицеровъ, но, сколько помнится, намъ не удавалось встрѣчать такихъ, которые бы не были въ Африкѣ или въ Крыму, то есть на войнѣ.

Мы считаемъ одинаково предосудительною спекуляціей попытку нажить себѣ состояніе отъ военной службы (то что было названо: *казнокрадствомъ* и *солдатокрадствомъ*) и стремление сдѣлать карьеру въ военной службѣ, не испытавъ тягости и лишеній боевой жизни, не бывъ въ походахъ, не подвергая никогда своей жизни опасности, а ограничиваясь лишь легкою службою, соединенною со всѣми удобствами и развлеченіями столичной жизни, и занимаясь для препровожденія времени обличеніемъ зла въ арміи, арміи, которую они даже и не знаютъ, и которая хотя и имѣетъ свои дурныя и смѣшныя стороны, но все-таки во время войны одна несетъ тяжесть ея, одна терпитъ, страдаетъ. Только незнающіе люди могутъ думать, что на войнѣ одни лишь солдаты бѣдствуютъ, а офицеры блаженствуютъ. Въ дѣлахъ съ непріателемъ, потеря убитыми и ранеными офицерами всегда бываетъ пропорціонально болѣе потери въ нижнихъ чинахъ.

Мы далеки отъ того, чтобы отвергать пользу гласности; но надо умѣть употреблять это оружіе.

Литература, какъ органъ общественнаго мнѣнія, имѣетъ полное право судить военныхъ по своему усмотрѣнію. Пусть выставляютъ иногда военныхъ въ смѣшномъ видѣ; уже тридцать лѣтъ играютъ на нашей сценѣ полковника Скалозуба и никакой бѣды

(*) Каменскій, графъ Михаилъ Федотовичъ, въ послѣдствіи главнокомандующій въ 1806 году; о его распоряженіяхъ въ этомъ походѣ см. любопытныя и забавныя подробности у Дашилевскаго въ его «Исторіи войны» 1806 года.

отъ того не вышло. Если въ обществѣ начнутъ преобладать анти-военныя идеи, то литература въ правѣ сдѣлаться эхомъ такого направленія. Но у военныхъ людей есть обязанность къ своему сословію : они должны уважать свое ремесло, или оставить его. Не должно смѣшивать здѣсь желанія уничтожить злоупотребленія въ арміи, съ идеями, понятіями и направленіемъ, совершенно враждебными самой сущности военного дѣла (*).

При томъ не худо было бы совершенно отдѣлить вопросъ объ обличеніи зла въ арміи отъ общаго вопроса о гласности. Пусть судятъ насъ, но судятъ люди знающіе, знакомые съ военной жизнью, бывшіе сами въ походахъ, испытывшіе тягость лишенія и трудность этого ремесла, а не тѣ господа, которые не слышали какъ пуля свиститъ, и которыхъ во Франціи называли бы *les militaires pour rire*, и которые тамъ, конечно, не возвысили бы голоса. Слова нѣтъ : надо преслѣдовать злоупотребленія. Вѣдь и мы имъ не потакали бы. Да не надо преувеличивать и сбивать съ толку общественное мнѣніе ложными рассказами, которые иногда происходятъ отъ нечистыхъ побужденій. Доказывать, что неудачи наши въ послѣднюю войну на Дунаѣ и въ Крыму происходили главнѣйше отъ безпорядковъ въ хозяйственной части, — несправедливо. Ни одного дѣла не было проиграно отъ изнуренія силъ солдатъ, отъ того, что ихъ дурно бы кормили, или дурно одѣвали. Въ госпиталяхъ были безпорядки, но это болѣе оттого, что заранѣе не приготовлены были средства, не ожидали войны въ томъ краѣ; ошибка была въ общихъ распоряженіяхъ. Если были тамъ злоупотребленія, то пусть законъ ихъ караетъ. Слѣдственнымъ порядкомъ надобно открывать такое зло и наказывать его. Такого гуся, который отправляется на войну не съ тѣмъ, чтобы подъ пули идти, а чтобы карманъ себѣ набить, не проймешь, обличая печатно; онъ и не поморщится отъ этого.

«А Васька слушаетъ да ѣстъ».

Его нужно другими мѣрами доканать.

Да эти злоупотребленія не имѣли еще столь важнаго вліянія на успѣхи военныхъ дѣйствій. Въ прежнія войны, хозяйст-

(*) Мы сочувствуемъ вполне, напримѣръ, «Морскому Сборнику», журналу полезному и благонамѣренному и въ которомъ отнюдь не было направленія, враждебнаго флоту и самой сущности морскаго дѣла.

венная часть была у насъ въ гораздо худшемъ устройствѣ, а одерживались побѣды. Скажутъ, что если, напримѣръ, полковой командиръ будетъ заботиться лишь объ хозяйствѣ въ полку, да свой карманъ набивать, то изъ него выйдетъ плохой воинъ. Конечно такъ; да вѣдь не всѣ были такіе: въ Севастополѣ въ иныхъ полкахъ по два командира было убито. Гдѣ тамъ о деньгахъ было думать, когда каждую минуту можно было на тотъ свѣтъ отправиться. Разумѣется, полковой командиръ, заботящійся лишь о томъ, чтобы нажиться, есть зло; да вѣдь можетъ быть не меньшее зло и такой полковой командиръ, который дослужился до этого званія легко, не отличавшись на войнѣ, не бывавши въ походѣ, не нюхавши пороху.

Безпорядки по хозяйственной части существуютъ и во французской арміи. Система ихъ внутренняго хозяйства, стало быть, не спасаетъ ихъ отъ злоупотребленій. Я не говорю это съ пѣлью выставить необходимость злоупотребленій, но чтобы показать, что и другія арміи не изъяты отъ этихъ недостатковъ. Говорятъ, напримѣръ, что въ зуавскихъ полкахъ хозяйственная часть не всегда въ порядкѣ. Чтожъ, это не мѣшаетъ Зуавамъ быть отличной пѣхотой. Нѣтъ сомнѣнія, что устройство хозяйственной части имѣетъ огромное вліяніе на боевыя качества войска. Не полезнѣ ли бы было, вмѣсто голословныхъ обвиненій въ казнокрадствѣ и солдатокрадствѣ, указать начало зла и мѣры къ искорененію онаго.

Въ заключеніе скажемъ, что мы съ благодарностью примемъ всѣ поправки и замѣчанія на невѣрности, которыя могли вкратъ-ся въ нашу статью о Крымской войнѣ. Она не представляетъ полного историческаго очерка этой кампаніи, и содержитъ въ себѣ только сужденія о главныхъ событіяхъ войны.

Выше было сказано о томъ, какъ трудно вывести историческую истину, какъ трудно добиться какъ дѣйствительно происходило дѣло. И потому мы не имѣемъ ни малѣйшаго притязанія на безусловно вѣрное изображеніе нами фактовъ. Мы оставили статью въ томъ видѣ, въ какомъ она была написана лѣтомъ 1856 года, прибавивъ къ ней примѣчанія. Недавно явилось сочиненіе генерала Ніеля, содержащее въ себѣ любопытныя подробности; конечно, тамъ не все откровенно высказано. Современную исторію писать чрезвычайно трудно.

Заранѣе отказываемся отъ полемики по поводу Восточной войны съ военными, не бывшими не только въ послѣдней войнѣ, но и вообще ни въ какихъ военныхъ дѣйствіяхъ. Мы не признаемъ ихъ авторитета въ военномъ дѣлѣ. Трудно спорить съ человѣкомъ, имѣющимъ лишь теоретическія свѣдѣнія о такомъ дѣлѣ, въ которомъ важнѣе всего практика.

«Convertir un pédant est une oeuvre impossible.»

Случилось мнѣ разъ, говоря съ однимъ штабъ-офицеромъ изъ такъ пазываемыхъ *службистовъ*, хвалить кавказскія войска. Слушалъ онъ меня, слушалъ, да и спросилъ вдругъ: «а каковъ шагъ въ Ширванскомъ полку?» Я отвѣчалъ, что шагъ превосходный, что переходъ въ 70 верстъ сдѣлають, и потомъ могутъ идти въ дѣло.

«Нѣтъ-съ, отвѣчалъ онъ, я не о томъ васъ спрашивалъ, я насчетъ ноги-съ, на счетъ выправки-съ, на счетъ доведенія...»

Миръ, окончившій Восточную войну, имѣлъ слѣдствіемъ явленіе, подобное которому едва ли встрѣчается въ исторіи военной. Непосредственно по полученія извѣстія о заключеніи мира, въ сношеніяхъ, открывшихся между арміями, воевавшими накануне, обнаружилось взаимное сочувствіе и даже пріязнь. Въ частыхъ свиданіяхъ, бывшихъ между офицерами русскими и союзныхъ армій, нерѣдко происходили продолжительные разговоры, неистощимымъ предметомъ для которыхъ служила осада Севастополя. Имѣвъ случай неоднократно бывать по дѣламъ службы и въ слѣдствіе пріятельскихъ приглашеній въ главныхъ квартирахъ французской и англійской армій и познакомившись со многими изъ начальствующихъ лицъ, я часто бесѣдовалъ съ ними о событіяхъ послѣдней войны.

Съ слѣдующими лицами случалось мнѣ говорить о Крымской компаніи: изъ Французовъ—съ маршаломъ Пелиссье; въ бытность его въ Бахчисараѣ 6 (18) іюня 1856 года, я одинъ сопровождалъ его въ Чуфутъ-кале и на возвратномъ пути онъ сдѣлалъ мнѣ честь своимъ посѣщеніемъ (*примѣчаніе 1-е*); въ бытность мою

во французской главной квартирѣ, 20 іюня (2 іюля), маршалъ долго говорилъ со мною объ осадѣ. Съ дивизионнымъ генераломъ Мартенпре, начальникомъ главнаго штаба: дивизионнымъ генераломъ де-Салль, командиромъ 1-го корпуса; генераль-интендантомъ арміи Бланшо и другими генералами и полковыми командирами. Въ главной квартирѣ французской я былъ знакомъ почти безъ исключенія со всѣми офицерами; въ особенности съ нѣкоторыми штабъ и оберъ-офицерами генеральнаго штаба (*Воберъ, Рансонъ, Берто, Лаллеманъ, Бомонъ, Аперъ, Дюваль, Давене, Петти*) имѣлъ я продолжительные разговоры о военныхъ дѣйствіяхъ.

Изъ Англичанъ (*): съ главнокомандующимъ генераломъ *Кодринтономъ*, въ бытность мою въ главной квартирѣ англійской, и въ бытность его въ Бахчисарай; съ генераломъ *Виндамомъ*, начальникомъ главнаго штаба арміи; полковникомъ *Бленомъ*, военнымъ секретаремъ (директоръ канцеляріи) главнокомандующаго; капитаномъ *Понсонби*, поручикомъ *Сенъ-Клеромъ* и другими.

Въ бесѣдахъ съ офицерами союзныхъ армій, говорили откровенно съ обѣихъ сторонъ, разъясняли себѣ то, что дотолѣ было не вполне извѣстно, или о чемъ имѣли ошибочныя понятія, толковали о промахахъ и ошибкахъ Русскихъ и союзниковъ, иногда спорили, но всегда дружелюбно, и, смѣю сказать, въ главныхъ сужденіяхъ всегда соглашались.

Постараюсь изложить здѣсь вкратцѣ ходъ Крымской войны и главнѣйшіе ея фазы, не вдаваясь въ подробности и предполагая, что читателю извѣстны уже изъ реляцій нашихъ и непріа-

(*) Бывши въ главной квартирѣ англійской арміи, я былъ представленъ генералу лорду Гову, прибывшему въ Крымъ весною 1856 года, для инвеституры ордена Бани. Лордъ Говъ, бодрый старикъ 75 лѣтъ, бывший главнокомандующимъ въ восточной Индіи и прославившійся тамъ побѣдами, весьма любезно говорилъ со мною и очень удивился, когда я назвалъ его побѣду при Чиллонъ-Валла. Генералъ Виндамъ, извѣстный подъ именемъ героя Реданта, можно сказать, наиболѣе отличился изъ англійскихъ офицеровъ въ Крыму: быстрое его возвышеніе вполне соотвѣтствовало его отличнымъ военнымъ способностямъ. Въ послѣдствіи узналъ я съ искреннимъ прискорбіемъ, что этотъ достойный джентльменъ имѣлъ неудачное дѣло въ восточной Индіи, въ которомъ однако, какъ послѣ открылось, онъ не былъ виноватъ.

тельскихъ и другихъ источниковъ событія этой войны, театръ ея и составъ армій съ обѣихъ сторонъ (*).

Мы пишемъ исключительно для тѣхъ, кто слѣдилъ за ходомъ военныхъ дѣйствій, и ограничимся лишь общими сужденіями.

(*) Я прибылъ въ Севастополь 27 февраля 1855 года и оставался тамъ безвыходно до утра 28 августа. Приказомъ по севастопольскому гарнизону отъ 24-го марта за № 78, назначенъ былъ помощникомъ начальника штаба севастопольскаго гарнизона, и до конца осады я исправлялъ обязанности оберъ-квартирмейстера гарнизона.

Крымская экспедиція, по отзыву всѣхъ, составляетъ самое дерзкое предпріятіе въ военной исторіи и должна была непремѣнно имѣть печальный исходъ, если бы не спасли союзниковъ ошибки Русскихъ. Главнымъ виновникомъ Крымской экспедиціи былъ маршалъ Сентъ-Арно (*).

Сборы въ экспедицію были долги; въ это время случился Варнскій пожаръ, который еще болѣе замедлилъ ихъ. Нельзя было имѣть никакого сомнѣнія, что цѣль этой экспедиціи будетъ Севастополь. Большая часть Дунайской арміи въ то время уже вышла изъ княжествъ. Военныхъ дѣйствій со стороны Австріи ожидать нельзя было. Слѣдовательно, ничто не мѣшало значительно усилить войска, расположенныя въ Крыму подъ начальствомъ генераль-адъютанта князя Меншикова, и которыхъ очевидно было недостаточно для защиты полуострова противъ союзной арміи. Въ Крыму было всего 2¹/₂ дивизіи и 6 или 8 резервныхъ баталіоновъ.

Виновниками тому, что сраженіе при Альмѣ не дано раньше, были Англичане, выгрузка которыхъ производилась медленно. Подъ Альмой у союзниковъ было всего до 45,000 человекъ, изъ которыхъ въ дѣлѣ участвовало тысячъ 35, и никакъ не болѣе 40,000. Во всякомъ случаѣ, численное превосходство было на сторонѣ непріятеля (*примѣчаніе 2-е*). Позиція на рѣкѣ Альмѣ была крѣпкая; непріятель, кромѣ численнаго превосходства, имѣлъ

(*) Мы не входимъ здѣсь въ разсмотрѣніе политическихъ причинъ, побудившихъ союзниковъ предпринять крымскую экспедицію. Въ арміи союзной считали Сентъ-Арно главнымъ виновникомъ экспедиціи въ томъ смыслѣ, что онъ болѣе всѣхъ настаивалъ на этомъ предпріятіи.

войска обстрѣленные, боевыя; наши же войска въ первый разъ шли въ дѣло. Почти всѣ генералы наши, командовавшіе въ Альмскомъ сраженіи, не были въ огнѣ съ Польскою компаніи, то есть около четверти вѣка.

Лордъ Рагланъ предлагалъ преслѣдовать сейчасъ послѣ боя, до Качи, но Сентъ-Арно не согласился, сказавъ, что войска устали. Въ сраженіи Французы были въ ранцахъ, Англичане же безъ ранцевъ, и все таки двигались медленнѣе, чѣмъ первые.

Уронъ непріятеля былъ 3,500 убитыхъ и раненыхъ; нашъ уронъ простирался до 5,200 выбывшихъ изъ строя.

На другой день Сентъ-Арно предлагалъ движеніе впередъ, но Рагланъ не согласился. Два дня занимались уборкою раненыхъ и двинулись далѣе 11-го (23-го) сентября. Сентъ-Арно сдѣлался опасно боленъ. Планъ атаковать флотомъ, ворвавшись въ бухту, разстроенъ былъ потопленіемъ кораблей, исполненнымъ по приказанію князя Меншикова. Союзники пошли на Южную сторону. Объ овладѣніи Сѣверной стороной открытою силою никто и не помышлялъ, потому что считали сѣверное укрѣпленіе весьма сильнымъ и къ тому же на Сѣверной нѣтъ удобныхъ мѣстъ для выгрузки и флоту пришлось бы стоять въ открытомъ морѣ. Генералы лордъ Рагланъ и сэръ Каткартъ предлагали атаку Севастополя открытою силою. Многіе изъ англійскихъ начальниковъ говорили: «если мы не возьмемъ Севастополя въ три дня, то не возьмемъ и въ три мѣсяца». Движеніе союзниковъ къ Севастополю происходило съ крайней медленностью. Первая рекогносцировка произведена 15-го (27-го) сентября. Генеральная рекогносцировка Севастополя сдѣлана 17-го (29-го) сентября, когда уже довольно оборонительныхъ работъ было возведено и штурмъ наврядъ бы удался. Англичане подавали мнѣнія о штурмѣ. Но французскіе генералы отвѣчали: «баррикадная война намъ болѣе знакома, чѣмъ вамъ. Нельзя такъ. Мы будемъ отбиты и тогда придется садиться на суда и все предпріятіе лопнетъ» (*).

(*) Я считаю мнѣніе Французовъ правильнымъ. Штурмъ былъ бы отбитъ, потому что его сдѣлали бы не ранѣе 19-го сентября; 12-го или 13-го, можетъ быть, онъ и удался бы. Ошибка союзниковъ состояла въ томъ, что они шли очень медленно къ Севастополю. Надлежало преслѣдовать по пятамъ и тогда штурмовать, воспользовавшись первымъ впечатлѣніемъ, про-

На рекогносцировку Севастополя союзники показали большую неопытность въ инженерномъ дѣлѣ. Никому не бросилось въ глаза, что Корабельная есть слабѣйшая часть и что холмъ Камчатскаго редута (*le Mamelon vert*) есть пунктъ первостепенной важности, занятіе котораго ведетъ къ овладѣнію Малаховымъ курганомъ, послѣ чего вся Корабельная падаетъ. Для атаки избранъ бастіонъ № 4-го и начаты осадныя работы. Траншея открыта 27-го сентября (9-го октября). Никто не ожидалъ и не думалъ, что въ Севастополѣ загремитъ самая могущественная числомъ и калибромъ орудій артиллерія, подобной которой никогда не бывало при оборонѣ крѣпостей.

Балаклава была занята Англичанами и на высотахъ противъ рѣки Черной построены наскоро небольшія укрѣпленія, занятія Турками.

«Когда будетъ написана исторія Восточной войны по официальнымъ источникамъ», говорили мнѣ англійскіе офицеры: «то обнаружится, что лордъ Рагланъ подавалъ письменно всегда самыя смѣлые и предприимчивыя совѣты и мнѣнія, но на дѣлѣ онъ былъ гораздо болѣе остороженъ».

Канонада открылась 5-го (17-го) октября и черезъ три часа огня, Французская артиллерія принуждена замолчать; Англичане дѣйствовали до вечера. Союзники были изумлены силою верковъ, сооруженныхъ полковникомъ Тотлебеномъ съ столь изумительной быстротой и энергіей, и надежды ихъ на результаты дѣйствія осадной артиллеріи ослабѣли. Положеніе ихъ становилось затруднительнымъ. Спѣшили подвигаться работами передъ бастіономъ № 4-го, предполагая, по достаточномъ приближеніи ихъ, идти на штурмъ.

Къ Русскимъ стали прибывать подкрѣпленія и первая пришла 12-я пѣхотная дивизія. 13-го (25-го) октября генералъ Липранди атаковалъ непріятеля за рѣкой Черной. Турки, въ числѣ 3,000, были выгнаны генераломъ Семякинымъ изъ укрѣпленій, построенныхъ весьма неразсчетливо, для обороны которыхъ нужно было 15,000, а не 3,000. Канроберъ не хотѣлъ ввести

изведеннымъ Альмскимъ сраженіемъ. По счастью, богѣзнъ Сентъ-Арно, несогласія между главнокомандующими и медленность Англичанъ помѣшали этому.

въ дѣло свою пѣхоту; сэръ Каткартъ также не пошелъ атаковать Русскихъ и, говорятъ, на приказаніе о томъ лорда Раглана отвѣчалъ, что онъ можетъ быть и займетъ снова взятые Русскими редуты, но для удержанія ихъ въ послѣдствіи надо 15.000, которыхъ взять не откуда. Невыгоды отъ двойственности власти, при двухъ главнокомандующихъ, снова обнаружались здѣсь. Балаклавское дѣло заставило союзниковъ призадуматься. Войска, бывшія въ немъ, должны были идти на ночь въ траншеи на работу и въ карауль. Обѣ арміи, англійская и французская, быстро уменьшались въ числѣ; люди приходили въ изнуреніе и болѣли. 14-го (26-го) октября сдѣлана была вылазка изъ Корабельной Бутырскимъ полкомъ, отбитая Англичанами. Она немного ободрила союзниковъ. Генералъ сэръ Каткартъ, командовавший 4-й англійской дивизіей, говорилъ: «Русскіе не пойдутъ атаковать со стороны Инкермана и изъ Корабельной». На высотахъ Инкерманскихъ находилась только 2-я дивизія сэра Ласи Эванса (2,400 чел.). Союзники получили извѣстія о прибытіи къ Русскимъ весьма значительныхъ подкрѣпленій (10-й и 11-й пѣхотныхъ дивизій). Наступало роковое время: судьба Крымской экспедиціи должна была рѣшиться и союзныя арміи быть сброшенными назадъ въ море; участь ихъ казалась неизбежной.

24-го октября на разсвѣтѣ, генералъ Соймоновъ, съ 24½ баталіонами (до 15,000) человекъ, поднялся безъ выстрѣла на Инкерманскія высоты, и двинулся далѣе.—На пространствѣ между Килень-Балкою и скатомъ Сапунь-горы, было тогда нѣсколько самыхъ незначительныхъ укрѣпленій, дурно вооруженныхъ; мѣстность, благопріятная для того, чтобы развернуть пѣхоту въ довольно длинную линію, и непріятель, всего въ числѣ 2,400 человекъ, которыхъ къ тому же захватили въ распахъ! Нельзя было и придумать болѣе благопріятныхъ для атаки условий. Остальныя Англійскія войска были разбросаны на значительномъ пространствѣ. Закипѣла тревога, дивизія Эванса (*) спѣшила построиться, но принуждена была идти назадъ и въ безпорядкѣ. Солдаты наши, по отзыву всѣхъ, шли въ дѣло съ большимъ духомъ, но недостатокъ распорядительности далъ дѣлу иной оборотъ. Войскамъ Соймонова надлежало лишь идти впередъ безо-

(*) Дивизія Эванса (2-я) была въ этотъ день подъ начальствомъ генералъ-маіора Пеннефазера.

становочно, мѣстность благопріятствовала этому движенію; дивизія Эванса и первая прибывшія къ ней подкрѣпленія (легкая дивизія генерала Броуна, 2,500 человекъ) не въ состояніи были бы удержать Русскихъ, непріятель пошелъ бы назадъ и тогда огонь его значительно бы ослабѣлъ; отступленіе Англичанъ превратилось бы въ совершенное разстройство. Но надо было идти впередъ быстро, стремительно, пользоваться впечатлѣніемъ, произведеннымъ на непріятеля, котораго застали въ расплохъ, а наши занялись канонадой; настала суматоха, неизбежная въ жаркомъ бою. Въ Англійской арміи, 24-го октября, было подъ ружьемъ, какъ мнѣ говорилъ генераль Виндамъ, лишь 15,000. Изъ нихъ 10,000 были введены въ дѣло, и то по частямъ, нѣкоторые очень поздно, послѣ прибытія колонны генерала Павлова; изъ остальныхъ часть оставлена въ траншеяхъ передъ Корабельной, а другія въ Балаклавѣ, потому что опасались атаки на этотъ пунктъ; резервовъ не было вовсе; всѣ войска, направленные на Инкерманскія высоты противъ Русскихъ, были въ первой линіи въ ружейномъ огнѣ и нѣкоторые полки англійскіе пришли въ большое разстройство; множество людей уходило назадъ изъ боя, подъ предлогомъ уноски раненыхъ; туманъ осенняго утра и пороховой дымъ наполняли атмосферу и закрывали предметы. Англійскій главнокомандующій, прибывъ на поле сраженія, не зналъ, въ какомъ положеніи дѣла и разсымалъ лишь приказанія: держаться и защищать ту часть мѣстности, на которой находятся. «Какъ жаль, что отъ тумана ничего невидно», сказалъ лордъ Рагланъ. «Благодарите Бога, милордъ», отвѣчалъ ему одинъ изъ его офицеровъ: «что туманъ мѣшаетъ Русскимъ видѣть ничтожность нашихъ силъ и неимѣніе резервовъ».

Между тѣмъ, подошли войска колонны генерала Павлова—до 15,000 человекъ. По прибытіи ихъ, надлежало опять идти впередъ, не обращая вниманія на то, что войска колонны Соймонова были не въ правильномъ строю и смѣшались въ толпы. Англичане находились не въ лучшемъ порядкѣ, а изъ Французовъ было только два баталіона съ генераломъ Бурбаки. Но у насъ занялись дѣйствіемъ артиллеріи, открылась сильная канонада съ нашей стороны, которая, по словамъ Англичанъ, рассказывавшихъ мнѣ подробности дѣла, дѣлала весьма мало вреда непріятелю. Снаряды переносило, и они ложились въ лагерь—гдѣ никого не было.

Боске, убѣдившись наконецъ, что Русскіе (отрядъ князя Горчакова у Чоргуна) не будутъ его атаковать, оставилъ на Сапунъ-горѣ часть войска и съ бригадой д'Отемара, къ которой присоединились части, присланныя Канроберомъ изъ осаднаго корпуса (бригада Монне), всего до 5,000 человекъ Французовъ, пошелъ на выручку Англичанъ, силы которыхъ начинали совершенно истощаться; въ большой части полковъ Англійскихъ патроны были уже совсѣмъ разстрѣяны. Съ прибытіемъ Французовъ, огонь ружейный сдѣлался чрезвычайно силенъ, непріятель началъ подаваться впередъ и Русскіе стали отступать въ безпорядкѣ и ушли въ городъ и на Инкерманскій мостъ. Преслѣдованіе было слабо. Нѣкоторые Англійскіе начальники (генераль Пеннефазертъ) настаивали на томъ, что бы преслѣдовать до Инкерманскаго моста, но Боске воспротивился. «Слава Богу, что удержались, сказалъ онъ; всѣ наши войска въ безпорядкѣ и разбредлись». И точно, Англичане и Французы перемѣшанно бродили толпами по полю сраженія.

Вылазка генерала Тимофѣева на лѣвый флангъ осадныхъ работъ отвлекла главную часть французскаго осаднаго корпуса; она принесла бы еще большую пользу, если бы произведена была ранѣе, и туда послали бы болѣе войскъ. (*Примѣч. 3-е*).

Но главный ударъ былъ произведенъ со стороны Инкермана и пунктъ былъ хорошо выбранъ, замѣчаютъ всѣ Французы и Англичане, съ которыми мнѣ случалось говорить объ этомъ сраженіи; только исполненіе не соответствовало цѣли. На Инкерманѣ было введено въ дѣло 50 баталіоновъ Русскихъ, въ которыхъ можно считать слишкомъ 30,000; по самымъ же достовѣрнымъ показаніямъ, Англичанъ было не болѣе 10,000 или 11,000 и Французовъ 7,000 или 8,000, итого 17,000 или 18,000 человекъ. Уронъ союзниковъ въ этотъ день простирался до 5,000 человекъ, выбывшихъ изъ строя; уронъ нашъ былъ до 11,000 убитыхъ и раненыхъ.

«Вы не хотѣли потерять 2,000 человекъ съ этой стороны» (*), говорили мнѣ французскіе офицеры Генеральнаго Штаба, указывая на ту часть Сапунъ-горы, противъ которой стоялъ 24-го октября отрядъ князя Горчакова. «Атака ваша со стороны Сапунъ-горы была бы второстепенною; конечно, Русскимъ не удалось

(*) См. письмо князя Петра Дмитріевича Горчакова.

бы взять Сапунъ-горы и отбросить генерала Боске: вы были бы отбиты здѣсь и по нашему разсчету могли бы потерять притомъ 2,000 человекъ, но тогда Боске никакъ уже не могъ бы идти на выручку Англичанамъ, и главное дѣло на Инкерманѣ было бы вами выиграно: англійская армія была уже на волоскѣ, едва держалась, несмотря на то, что ваши войска медленно шли впередъ и пропустили первый моментъ; день этотъ все-таки кончился бы совершеннымъ пораженіемъ Англичанъ, слѣдствіемъ котораго было бы снятіе осады».

Но Инкерманское сраженіе можно было выиграть и безъ атаки со стороны Сапунъ-горы. Мнѣніе, что неудача произошла оттого, что колонна генерала Соймонова двинулась по правой сторонѣ Килень-балки, а не по лѣвой—ошибочно. Идя по лѣвой сторонѣ Килень-балки, Соймоновъ вышелъ бы туда, гдѣ могъ встрѣтить болѣе непріятели, чѣмъ за Килень-балкой, гдѣ находилась лишь одна дивизія, 2,400 человекъ. Движеніе Соймонова по лѣвой сторонѣ Килень-балки было бы тогда лишь хорошо, когда колонна Павлова одновременно, или еще прежде, двинулась бы за Килень-Балку. Притомъ, ошибочно думаютъ, что мѣстность, гдѣ происходило сраженіе, очень сжата съ обѣихъ сторонъ (Сапунъ-горой и Килень-балкой), и негдѣ развернуть тамъ войско; кто былъ на мѣстѣ, тотъ могъ увѣриться въ противномъ (*); мы убѣждены, что сраженіе было бы выиграно, если бы въ головѣ колонны Соймонова шло десять баталіоновъ Кавказцевъ, или если бы въ нашей арміи было двадцать-пять или тридцать опытныхъ, закаленныхъ въ бояхъ генераловъ и штабъ-офицеровъ. Все дѣло состояло въ томъ, чтобы идти быстро впередъ; какъ атаквали дивизію Эванса, то нечего было выставлять батареи и начинать артиллерійскій огонь, а прямо, пользуясь тѣмъ, что непріятель захваченъ врасплохъ, идти впередъ. Дивизіи Эванса невозможно было бы держаться противъ Русскихъ, которые были въ 6 разъ сильнѣе ее. Сбитая англійская дивизія стала бы отступить въ сильномъ разстройствѣ; подкрѣпленія, прибывавшія къ ней по частямъ, также бы не устояли и разъ, какъ непріятель пошелъ бы назадъ, то уже трудно ему было остановиться, тутъ и Боске не выручилъ бы. Конечно, какъ выше сказано, было бы еще полезнѣе и ко-

(*) Мы часто проѣзжали этими мѣстами послѣ мира, отправляясь въ лагерь союзниковъ, или возвращаясь оттуда.

лонною Павлова одновременно атаковать неприятеля и потому, разумѣется, лучше было бы направить колонну Соймонова по лѣвой сторонѣ Килень-балки, а колонну Павлова по правой сторонѣ, но дѣлать это движеніе слѣдовало одновременно. Однимъ словомъ, сущность дѣла состояла въ томъ, чтобы воспользоваться первымъ впечатлѣніемъ, первымъ моментомъ, когда захватили Англичанъ врасплохъ, не дать неприятелю одуматься, и ударить на него сильно на первыхъ порахъ; тогда уже ему трудно было бы поправиться, а наши войска были бы одушевлены первымъ успѣхомъ, да и потери было бы въ нихъ меньше, потому что, когда Англичане стали бы отступать, то огонь у нихъ не могъ бы быть силенъ. Нельзя укорять офицеровъ нашихъ и солдатъ въ недостатокъ храбрости: третья часть ихъ выбыла изъ строя; дрались хорошо, но вѣдь одной храбрости еще недостаточно, нужна опытность и боевая снаряжка; надо, чтобы начальники полковые и баталіонные командиры не ждали все приказаній отъ старшихъ, а знали сами, что дѣлать нужно и не пропускали удобнаго момента и случая. Главнокомандующему трудно распоряжаться на полѣ сраженія всѣми войсками своими, да и невозможно видѣть, что на разныхъ пунктахъ дѣлается. Вѣдь это не шахматная игра, тутъ нельзя своей рукой переставлять мгновенно шашекъ (*). Храбрость одна недостаточна, нужны смѣлливость и военный глазъ, то есть, способность видѣть, гдѣ у неприятеля слабо, гдѣ его должно атаковать; по нашему мнѣнію, эта способность и составляетъ главное боевое достоинство въ начальникѣ.

По мнѣнію нѣкоторыхъ военныхъ писателей, русскаго главнокомандующаго въ Инкерманскомъ сраженіи можно было упрекнуть лишь въ томъ, что не было дано положительнаго приказанія отряду князя Горчакова атаковать Сапунъ-гору рѣшительно.

Послѣ Инкерманскаго сраженія въ Крыму осталось не болѣе 30,000 Французовъ, считая и прибывшія къ нимъ въ эту же эпоху 5-ю и 6-ю дивизіи и 11,000 или 12,000 Англичайнъ; такимъ образомъ, никакъ не болѣе 40,000 или 42,000 человекъ (**), и даже менѣе, разбросанныхъ отъ Балаклавы по Сапунъ-горѣ,

(*) Я разъ упомянулъ это сравненіе, говоря съ однимъ изъ бывшихъ русскихъ главнокомандующихъ о Крымской войнѣ: онъ отвѣчалъ мнѣ: «Да вѣдь кто жъ такъ думаетъ, одни только мирные маневристы».

(**) Я считаю лишь дѣйствительное число могущихъ быть въ бою.

предъ Севастополемъ и до Камышевой бухты. Въ эту эпоху, союзники, вмѣсто осаждающихъ, сдѣлались осажденными и понимали вполне всю безумную дерзость своего предпріятія. Надлежало почти совершенно отказаться отъ осадныхъ работъ; на траншеи стали смотрѣть тенерь, какъ на оборонительныя средства; предстояла зима, продолжительная и довольно суровая, на голой, безлѣсной и почти безводной террасѣ, среди нуждъ и лишеній всякаго рода; положеніе безотрадное. Англійскія войска и не выдержали этой зимы; въ мартѣ 1855 года, въ рядахъ Крымской арміи ея британскаго величества, осталось лишь самое незначительное число тѣхъ людей, которые высадились 2-го сентября у Старога укрѣпленія. Англійскіе солдаты не могли работать въ траншеяхъ, копать землю; они считали такой трудъ совершенно несоотвѣтственнымъ военному званію.

Наде знать, что въ Англии человѣкъ дѣлается солдатомъ не для того, чтобы работать, и что въ военную службу идутъ болѣею частію тунеядцы, боящіеся труда. Войско живетъ тамъ въ хорошихъ казармахъ, на всемъ готовомъ и получаетъ хорошее жалованье. Послѣ высадки, на маршѣ къ Альмѣ и далѣе, англійскіе солдаты, несмотря на увѣщанія офицеровъ, бросали котелки, потому что имъ лѣнь было нести ихъ и они привыкли быть на всемъ готовомъ. Въ англійскихъ войскахъ не было никакой привычки къ походамъ и практическаго знанія мѣстности; на ночлегѣ на Мекензіевой горѣ, Англичане сидѣли безъ воды, а Французы, въ особенности Зуавы, сейчасъ нашли воду.

Впослѣдствіи, когда наступили холода и сырость, Англичане несравненно болѣе бѣдствовали, чѣмъ Французы, и выказались вполне недостатки организаціи Британской арміи; люди ѣли дурно, потому что имъ выдавали деньги на руки каждому и они пропивали ихъ. Часто случалось, что англійскіе солдаты, получивъ въ Балаклавѣ доски для своихъ баракъ, несли ихъ въ лагерь по грязной дорогѣ и, утомившись на перепутьи, садились отдыхать, а чтобы согрѣться, сжигали свои доски, приходили на бивуакъ съ пустыми руками и продолжали жить подъ открытымъ небомъ. Лошади, какъ подъемныя, такъ и артиллерійскія, почти всѣ пали. Упадокъ духа у Англичанъ былъ общій и чрезвычайный.

«Почему Русскіе не дѣлали сильныхъ вылазокъ въ то время», говорили мнѣ Англичане: «мы почти не въ состояніи были защищать свои траншеи; зимою вы могли бы завладѣть всей мѣст-

ностью предъ Корабельной, когда еще тамъ не было Французовъ. У насъ уже были сдѣланы распоряженія объ отступленіи въ Балаклаву для амбаркаціи; въ случаѣ сильной атаки Русскихъ, рѣшено было Англичанамъ отступить туда, бросивъ всю артиллерію, какъ осадную, такъ и полевую, по совершенному неимѣнію лошадей, и защищать укрѣпленія предъ Балаклавой штуцерами. Конечно, справедливо, что у князя Меншикова было недостаточно силъ, чтобы атаковать союзниковъ рѣшительно, но у насъ много было войскъ на югѣ Россіи и въ Бессарабіи, отчего ихъ не прислали въ Крымъ. Ноябрь и декабрь были самымъ критическимъ для насъ временемъ, и достаточно было бы двухъ или трехъ свѣжихъ дивизій къ Русскимъ, чтобы заставить насъ снять осаду. Если бы не имѣли хорошихъ лазутчиковъ и не вѣрили дезертирамъ, которые должны были говорить о бѣдственномъ состояніи нашей арміи, то изъ преній парламента нашего можно было уже догадаться, что арміи англійской плохо придется въ Крыму».

Въ теченіе всей зимы присылали въ англійскую армію подкрѣпленія малыми частями. Въ началѣ марта въ Крыму было только 10,000 или 12,000 Англичанъ подъ ружьемъ.

Французы гораздо лучше выдерживали зиму. По единогласному отзыву всѣхъ, французская армія, назначенная для десанта въ Крымъ, была превосходно составлена изъ лучшихъ войскъ, закаленныхъ въ африканской войнѣ; лишь эти люди въ состояніи были перенести труды и лишения предъ Севастополемъ. Но траншейная служба была такъ тяжела въ долгія, холодныя и сырыя зимнія ночи, что силы и Французовъ истощались, и бывали, по собственному ихъ признанію, моменты въ декабрѣ, когда Русскіе могли бы завладѣть всѣми траншеями и батареями, если бы атаковали ихъ рѣшительно и въ большихъ силахъ.

Поспѣшимъ сказать здѣсь, что нельзя было и думать атаковать непріятели, предпринимать противъ него что нибудь серьезное и рѣшительное съ тѣми войсками, которыя тогда находились въ распоряженіи князя Меншикова. Войска эти были разстроены Инкерманскимъ дѣломъ, подкрѣпленій же не было прислано въ Севастополь до марта мѣсяца. Въ теченіе болѣе 4-хъ мѣсяцевъ, отъ 24-го октября до половины марта, не было прислано никакой части войскъ подъ Севастополь, между тѣмъ, какъ правительства союзныхъ державъ, бывшихъ съ нами въ войнѣ, употребляли всѣ старанія, чтобы усилить свои арміи въ Крыму; казалось, по-

печеніе о томъ сдѣлалось единственною заботою этихъ правительствъ. Въ теченіе ноября и декабря союзниковъ можно было не только заставить снять осаду, но и столкнуть въ море, отнять у нихъ всю артиллерію и тяжести и заставить амбаркироваться въ величайшемъ безпорядкѣ. Надо вспомнить, что ихъ флотамъ не было тогда хорошаго убѣжища, что буря 3-го ноября надѣлала имъ большихъ бѣдъ. Если бы сбили союзниковъ съ позиціи у Севастополя, то имъ бы нельзя было держаться у Камыша и Балаклавы, а оставалось бы одно—сѣсть на суда. Тогда все это предпріятіе лопнуло бы и наврядъ въ другой разъ они подумали бы его возобновить. Катастрофа была бы страшная и потеря союзниковъ неисчислима, а главное, моральное вліяніе на нихъ было бы сильное. И все это навѣрное бы случилось, если бы въ ноябрѣ пришло въ Крымъ еще три, а еще лучше, коль четыре или пять пѣхотныхъ дивизій, то есть, однимъ словомъ, часть тѣхъ войскъ, которыя пришли потомъ въ Севастополь, но уже когда было поздно. Войска эти могли пройти въ Крымъ безъ большихъ затрудненій въ то время; въ ноябрѣ дороги еще не были очень дурны; наконецъ, какъ бы не были дурны дороги, а нужно было послать сильныя подкрѣпленія, во что бы ни стало. Что союзникамъ плохо приходилось въ Крыму, это можно понять уже изъ газетъ, изъ преній англійскаго парламента, изъ той тревоги, которая была въ правительствахъ, намъ враждебныхъ. Посылая сильныя подкрѣпленія въ Крымъ, опасаться было нечего, потому что, со стороны Австріи не могли же зимою начаться военныя дѣйствія, да если бы союзниковъ сбросили въ море въ Крыму, то и на Австрію это сильно бы подѣйствовало. Въ ноябрѣ и декабрѣ пропущенъ былъ такой моментъ, какой рѣдко бываетъ. Союзники сидѣли, осмѣлимся сказать, какъ въ мышеловкѣ. Уже Инкерманское дѣло должно было рѣшать ихъ участь; ну, что дѣлать, Инкерманское сраженіе мы не выиграли, надо было еще повторить его, свѣжихъ войскъ прислать и скорѣе ковать желѣзо, пока горячо. На югѣ Россіи было много войскъ. Въ это время и была сдѣлана самая важная ошибка со стороны Русскихъ. Единственное подкрѣпленіе, которое было прислано въ Крымъ, состояло въ 8-й пѣхотной дивизіи, которую дозволено было употребить лишь противъ Евпаторіи, куда въ то время набралось довольно Турокъ. Мы не будемъ здѣсь говорить объ Евпаторійскомъ дѣлѣ 5-го февраля, оно не увѣнчалось ожидаемымъ успѣхомъ. Замѣтимъ лишь, что

не должно вообще осуждать строго такихъ генераловъ, которые, хотя и имѣютъ иногда неудачи, но которые извѣстны своей предприимчивостью. На войнѣ дороги такіе люди, которые берутся исполнять предпріятія, а такихъ, которые отказываются отъ немного смѣлаго дѣйствія, найти не трудно, и въ этихъ благо-разумныхъ отказахъ не должно еще видѣть какихъ-то подвиговъ (*).

Въ январѣ прибыли значительныя подкрѣпленія, 7-я и 8-я французскія дивизіи, и союзники уже стали считать свое положеніе менѣе критическимъ. «Успѣхами нашими въ эту войну, мы обязаны единственно Африкѣ,» говорятъ всѣ Французы: «занятіе Алжира повлекло за собою продолжительную войну, которая сдѣлалась превосходной школой для нашихъ войскъ; всѣ безъ исключенія генералы наши вышли изъ этой школы; большая часть строевыхъ офицеровъ арміи перебывала въ Африкѣ. Армія, образованная африканской войной, спасла въ іюньскіе дни общество и государство наше отъ анархіи; въ восточной войнѣ она воскресила древнюю славу французскаго оружія. Русскіе могли имѣть на Кавказѣ такую же военную школу для себя, если еще нелучше, какъ и наша Алжирія.» «Намъ кажется, говорили мнѣ де-Салль и Воберъ (**), что Русскимъ полезно было бы смѣнять свои войска на Кавказѣ, посылать туда по очередно всѣ части вашей арміи, подобно тому, какъ мы это дѣлали въ Алжиріи; тогда въ началѣ какой либо европейской войны вы бы имѣли весьма воинственную армію, потому что воинственность не приобрѣтается обученіемъ, а лишь войной. Мы вѣримъ, что ваши

(*) Не помню гдѣ, читалъ я анекдотъ объ одномъ австрійскомъ генералѣ, который отказался брать штурмомъ какую-то укрѣпленную позицію и предпріятіе было поручено другому. Генералъ, отказавшійся отъ штурма, остался тутъ же и стоялъ въ резервѣ съ кавалеріей, довольно далеко отъ боя. Дѣло загорѣлось. Скачетъ офицеръ изъ дѣла и даетъ знать, что позиція взята. Почтенный генералъ, услыхавъ эту вѣсть, опечалился, и схвативъ себя за голову, сказалъ: «Бѣда, теперь меня смѣнять, я былъ противъ штурма». Черезъ полчаса узнали, что штурмъ отбитъ; почтенный генералъ не могъ скрыть своего удовольствія. «Ну, вотъ, я говорилъ, что будетъ такъ». Мы не думаемъ, чтобы подобные начальники были полезны, чѣмъ тѣ, которые, хотя и имѣютъ иногда неудачи, но за то предприимчивы и смѣло берутся за военныя предпріятія.

(**) Генералъ де-Салль—командиръ 1-го корпуса, Воберъ полковникъ генеральнаго штаба, 1-й адъютантъ маршала Пеллиссе (въ родѣ директора его канцеляріи), бывший адъютантомъ у Сеиъ-Арно и у Капробера.

войска на Кавказѣ превосходны, но ихъ не было противъ насъ въ Крыму.»

Въ январѣ положеніе союзниковъ во всѣхъ отношеніяхъ улучшилось. Въ этомъ же мѣсяцѣ прибылъ въ Крымъ дивизионный генералъ Ніель, считавшійся однимъ изъ лучшихъ инженеровъ во Французской арміи. Онъ былъ присланъ императоромъ, что бы руководить осадой и по прибытіи своемъ, осмотрѣвъ оборонительныя линіи Севастополя, представилъ свои донесенія Французскому правительству. Я старался узнать, что было въ этихъ донесеніяхъ Ніеля, и сколько догадываюсь, то Ніель въ то время донесъ просто, что не блокированный Севастополь почти невозможно взять, что крѣпость при этихъ условіяхъ можно считать неприступной (*). Этому же мнѣнію, говорятъ, держался постоянно и Канроберъ. Французскіе главные начальники надѣялись на то, что Русскіе въ началѣ весны перейдутъ въ наступленіе и сдѣлаютъ опять большое нападеніе въ полѣ на союзныя войска и рассчитывали, отбивъ это нападеніе, преслѣдовать Русскихъ и, воспользовавшись этимъ успѣхомъ, стараться обложить Севастополь.

И съ прибытіемъ Ніеля, Французы еще не заняли мѣстности противъ Корабельной, и не начали тамъ осадныхъ работъ. 29-го января (10 февраля) пріѣхалъ въ Крымъ генералъ Пелиссье. Обозрѣвая въ первый разъ Севастополь, онъ замѣтилъ ошибку въ выборѣ бастиона № 4, для веденія атаки, и по конфигураціи мѣстности передъ Малаховымъ, и по профилямъ Камчатскаго холма и Малахова, увидѣлъ что главная атака должно быть ведена тамъ. Маршалъ лично мнѣ рассказывалъ это, въ присутствіи своего начальника штаба и многихъ офицеровъ (въ Чуфутъ-Кале).

Обративъ вниманіе на мѣстность передъ Корабельной, Русскіе заложили въ ночи на 11 (23) февраля редутъ за Килентбалкой (Селенгинскій). Французы очнулись; генералъ Монне пошелъ атаковать этотъ редутъ съ Зуавами, и былъ отраженъ съ значительной потерей генералъ-маіоромъ Хрущовымъ, въ ночь на 12 (24-го) февраля. Это блистательное дѣло долго имѣло вліяніе на образъ дѣйствій непріятеля при осадѣ. Даже вѣра въ храбрость Зуавовъ ослабѣла. Послѣ этого неудачнаго покушенія,

(*) См. письмо Ніеля къ императору 14-го февраля 1855, напечатанное въ его книгѣ.

Канроберъ вовсе не рѣшался штурмовать русскія укрѣпленія и нужно было всю энергію, всю рѣшительность Пелиссье, что бы предпринять къ тому первый шагъ, черезъ два мѣсяца слишкомъ послѣ того, въ ночь на 20-го апрѣля (1-го мая), какъ мы увидимъ ниже. Дѣло генерала Хрушова сильно смутило непріятеля, и онъ дозволилъ Русскимъ воздвигнуть три передовыхъ редута, не дерзая уже атаковать ихъ открытою силою, а спѣша копать траншеи и батареи за Килень-балкой, какъ контръ-работы, болѣе въ смыслѣ оборонительномъ противъ нашихъ новыхъ редутовъ. Какъ только заложили редутъ Камчатскій, на холмѣ передъ Малаховымъ курганомъ, въ ночь на 27-го февраля (ст. ст.), то и Французы стали копать траншеи противъ него, чтобы загородить мѣстность между Килень и Доковой балками. Французскіе инженеры вознамѣрились воспользоваться работами передъ *Mamelon vert*, для отвлеченія вниманія Русскихъ отъ бастіона № 4, и повели дѣятельно апроши на Камчатку (*).

8-го марта прибылъ къ Севастополю генералъ адъютантъ князь Горчаковъ, назначенный вмѣсто князя Меншикова главнокомандующимъ Южной арміи и войскъ, въ Крыму расположенныхъ.

Кровопролитная вылазка въ ночь на 11-е марта, подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Хрулева, имѣла тотъ результатъ, что Французы перестали подвигаться апрошами передъ Камчаткой, и стали лишь устроить здѣсь плацдармы и батареи. И здѣсь обвиняли Канробера въ нерѣшительности.

Постройка трехъ передовыхъ редутовъ значительно усилила Корабельную, и удалила непріятеля отъ верковъ и отъ бухты.

Между тѣмъ атакующій окончилъ работы по сооруженію новыхъ своихъ батарей, и 28-го марта открылъ усиленную канонаду и бомбардированіе всей оборонительной линіи Севастополя. Огонь его былъ устремленъ преимущественно на бастіонъ № 4 и фланкирующія его части. 1-го (13-го) апрѣля, вечеромъ,

(* Въ книгѣ генерала Ниеля говорится, что тогда уже избранъ Малаховъ какъ фронтъ атаки, и повели на него осаду; но я слыхалъ отъ французскихъ и англійскихъ офицеровъ, что это была лишь диверсія и что въ это время недумали вести главной атаки на Малаховъ. Въ подтвержденіе этого, можемъ привести то важное обстоятельство, что во второе бомбардированіе (на Святой) огонь непріятеля былъ обращенъ главнѣйше на 4-й бастіонъ и фланкировавшія его части, и что самъ Ниель говоритъ въ своей книгѣ, что послѣ того хотѣли штурмовать 4-й бастіонъ, стало быть атака шла туда.

непріятель взорвалъ мины, которыя зимою еще началъ вести противъ 4-го бастиона. 5-го апрѣля бомбардированіе уменьшилось, а 8-го уже значительно ослабѣло. Вся эта канонада осталась безъ результатовъ для союзниковъ: имъ не удалось ни демонтировать русской артиллеріи, ни разрушить верковъ. Работы тихой сапой изъ воронокъ передъ бастиономъ № 4 были прекращены дѣйствіемъ нашей артиллеріи, и не могли быть возобновлены, несмотря ни на какія усилія Французовъ. Непріятель успѣлъ лишь не много подвинуться работами передъ бастиономъ № 5.

Этотъ моментъ осады былъ самымъ благопріятнымъ для обороны. До этого времени включительно, оборона имѣла перевѣсъ надъ атакой; непріятелю ничего не удавалось сдѣлать, онъ подошелъ близко къ бастиону № 4, но на штурмъ не рѣшался, потому что основательно думалъ, что будетъ отбитъ. Всѣ осадныя работы чрезвычайно дорого стоили союзникамъ. Непріятельскіе главнокомандующіе не знали что дѣлать; часто происходили военные совѣты, въ которыхъ было большое разногласіе. Атаковать Мекензѣвскую позицію опасались, и основательно. Высадку гдѣ нибудь въ другомъ пунктѣ Крыма считали раздробленіемъ силъ. Но въ это время начались дѣйствія въ ложементахъ и траншеяхъ передъ верками Городской стороны, которыя и послужили отчасти въ пользу непріятеля.

Здѣсь мѣсто изложить и объяснить систему ложементовъ и передовыхъ траншей, которая играла такую важную роль при оборонѣ Севастополя. Она возникла исподоволь и постепенно принимала все большіе и большіе размѣры.

Сначала, ложементовъ этихъ было немного устроено, и они служили для прикрытія охотниковъ, которыхъ ночью посылали туда въ небольшомъ числѣ; это былъ родъ аванпостовъ; днемъ сидѣли штуцерные. Если ночью замѣтно становилось, что непріятель работаетъ въ своихъ траншеяхъ, то изъ ложементовъ открывали по работамъ ружейный огонь. Если непріятель бросался на ложементы въ значительныхъ силахъ, то приказано было людямъ изъ нихъ сейчасъ уходить; по ложементамъ же тогда открывался картечный огонь изъ орудій, которые предварительно были направлены для обстрѣливанія внутренности ложементовъ и промежутковъ между ними. Такимъ образомъ ложементы эти существовали въ продолженіе зимы и приносили пользу. Занятіе ихъ бывало сопряжено и съ потерями; иногда случалось, что

непріятельская бомба или граната попадала въ самый ложементъ, и разрывомъ своимъ перебивъ или переранивъ нѣсколько человѣкъ, оставляла остальныхъ пять или шесть, въ положеніи тягостномъ, потому что они немогли вынести своихъ убитыхъ и раненыхъ, и должны были ожидать для того ночи. Однимъ словомъ: ложементы, днемъ, не имѣли сообщенія съ нашими укрѣпленіями. Это еще было сносно зимою, когда дни коротки, но съ наступленіемъ весеннихъ дней, болѣе и болѣе выказывалась трудность положенія людей, посылаемыхъ въ ложементъ на день.

Тогда возникла идея соединить ложементы въ одну, или двѣ общихъ траншей, а эти траншеи соединить траншеею же съ верками, такимъ образомъ, что бы можно было во всякое время выносить оттуда раненыхъ, посылать подкрѣпленія или смѣнять находящихся тамъ людей. Но система эта имѣла свои неудобства. Траншея не есть укрѣпленіе, не имѣетъ ни рва, ни бруствера, и не вооружена артиллеріей; непріятелю въ нее вскочить не трудно, потому что она находится въ педальномъ разстояніи отъ его апрошей; съ другой стороны, если непріятель ночью атаковалъ траншею, то она заслонитъ огонь нашихъ верковъ, изъ которыхъ нельзя свободно дѣйствовать артиллеріей потому, что наши люди впереди; и наконецъ, непріятель, преслѣдуя людей, выбитыхъ имъ изъ траншей, можетъ по пятамъ ихъ ворваться въ укрѣпленіе; послѣднее, конечно, затруднительно. Но нельзя не сказать, что таковыя траншеи могутъ облегчить непріятелю его подступы, потому что онъ, занявъ ихъ, передѣлаетъ удобно въ свои и такимъ образомъ перешагнетъ разомъ пространство въ сто и болѣе сажень, на которомъ вести апроши обыкновеннымъ способомъ пришлось бы долго и дорого бы стояло.

Передъ редутомъ Шварца, у 5-го бастіона, въ ночь на 12-е апрѣля, осажденный заложилъ ложементы; въ слѣдующую ночь предположено продолжать эти работы; Французы послали довольно сильную колонну, что бы раззорить ложементы и разогнать рабочихъ. Произошла сильная схватка; Русскіе въ числѣ 5-ти баталіоновъ, подъ начальствомъ генерала Хрущова, отбросили непріятеля, и къ утру прежніе ложементы были увеличены и построена сзади линія новыхъ ложементовъ. Пелиссье, де-Салль и другіе начальники стали убѣждать главнокомандующаго, что воздвигая передовые ложементы и траншеи, Русскіе дѣлаютъ ошибку и работаютъ для непріятеля, что только нужно допустить Русскихъ окончить свои передовыя траншеи и не старать-

ся разорвать ихъ, какъ пытались сдѣлать 13-го апрѣля, но овладѣть ими открытою силою и этимъ способомъ значительно приблизиться къ укрѣпленіямъ. Канроберъ согласился наконецъ, убѣжденный этими доводами.

Нерѣшительность французскаго главнокомандующаго происходила частью отъ его природныхъ свойствъ, но также, и, можетъ быть, главнѣйше отъ недостатка свѣдѣній въ инженерномъ дѣлѣ. Канроберъ служилъ всегда въ пѣхотѣ, и не былъ специальнымъ офицеромъ. Я слыхалъ отъ французскихъ офицеровъ такія сужденія, что въ высшія военныя должности должно выводить преимущественно специальныхъ офицеровъ, то есть изъ артиллеріи, инженеровъ и генеральнаго штаба; что это впрочемъ у нихъ большею частью такъ и дѣлается, что лучшіе изъ французскихъ генераловъ въ Крыму—спеціальныя офицеры: Пелиссье, и корпусные командиры Макъ-Магонъ, де-Салль и д'Аллонвиль, генеральнаго штаба, Боске артиллеристъ; другія военныя знаменитости Франціи: Ламорисьеръ, Кавеньякъ и военный министръ Вальянъ (инженеры), Бедо (генеральнаго штаба) также спеціальныя офицеры.

И такъ рѣшено было 19-го апрѣля вечеромъ атаковать траншею передъ редутомъ Шварца. «Теперь самая пора, говорилъ Пелиссье, а то Русскіе передѣлаютъ эти траншеи въ укрѣпленіе и тогда уже штурмовать будетъ поздно. Теперь же надо спѣшить воспользоваться ошибкой непріятеля.» (*Примѣчніе 4-е*). Но вечеромъ 19-го числа Канроберъ присылаетъ отмѣну приказанія. Пелиссье ослушался главнокомандующаго и отвѣчалъ, что всѣ распоряженія сдѣланы, войска стоятъ въ траншеяхъ и онъ беретъ на себя отвѣтственность этого дѣла. Въ десять часовъ были посланы атакующія колонны.

Извѣстны послѣдствія этого дѣла. Траншеи съ 9-ю ручными мортирами были взяты Французами, передѣланы сейчасъ въ свои, и осаждающій сразу очутился въ 50 сажняхъ передъ редутомъ Шварца. Дѣло это весьма ободрило непріятеля. Это былъ первый успѣхъ собственно въ осадѣ, первый примѣръ удачи въ штурмѣ. Ослабѣло грозное дотолѣ значеніе Севастопольскихъ укрѣпленій; можно сказать, что безъ успѣха 19-го апрѣля, непріятель едва ли рѣшился бы на штурмъ редутовъ 26-го мая. «Русскимъ,» говорили мнѣ французскіе офицеры, «вовсе не слѣдовало рыть траншею передъ лѣвымъ люнетомъ центральнаго

бастіона (редутомъ Шварца); мы и недумали тогда вести атаку на центральный бастіонъ и остались бы отъ него въ отдаленіи».

Дѣло 19-го апрѣля (1-го мая) подняло въ союзныхъ арміяхъ репутацію Пеллессе. Неспособность Канробера болѣе и болѣе обнаруживалась; онъ ни на что не рѣшался, и часто измѣнялъ распоряженія. У него возникли несогласія съ лордомъ Рагланомъ, въ особенности послѣ того, какъ Канроберъ, отправивъ вмѣстѣ съ Англичанами, 21-го апрѣля (3-го мая), экспедицію для овладѣнія Керчью, вернулъ ее назадъ, въ слѣдствіе телеграфической депеши изъ Парижа, содержавшей въ себѣ приказаніе императора держать войска сосредоточенными. Эскадра съ десантомъ была уже въ виду Керчи и принуждена возвратиться. Лордъ Рагланъ, говорятъ, написалъ своему правительству о неспособности французскаго главнокомандующаго, и Англійское министерство сообщило о томъ французскому императору. На военныхъ совѣтахъ, бывшихъ въ концѣ апрѣля и началѣ мая (ст. ст.), опять ничего не рѣшили (*). Канроберъ, наконецъ, самъ подалъ по телеграфу 4-го (16-го мая) просьбу объ увольненіи, которая и была принята въ тотъ же день. 7-го (19-го) мая вступилъ въ командованіе Французской арміей генералъ Пеллессе, и сталъ, если не по названію, то на дѣлѣ, настоящимъ главнокомандующимъ всѣхъ союзныхъ армій. Мнѣнія его объ осадѣ были извѣстны. Онъ предпринялъ овладѣть Севастополемъ, ведя атаку черезъ Камчатку (*Mamelon vert*) на Малаховъ, и сдѣлалъ распоряженія объ усиленіи батарей для открытія огня противъ Корабельной (**).

(*) Въ это время прибылъ ординарецъ императора (*officier d'ordonance*) Фаве и привезъ планъ военныхъ дѣйствій, составленный въ Парижѣ, сущность котораго состояла въ томъ, чтобы союзную армію раздѣлить на три части: одной остаться подъ Севастополемъ, другой на Черной, а третьей сдѣлать высадку въ Алуштѣ и идти на Симферополь. Планъ этотъ, изложенный подробно въ книгѣ Ніеля, былъ, по нашему мнѣнію, худо соображенъ; онъ не былъ исполненъ, главное же неудобство его было раздробленіе силъ и притомъ трудность движенія внутрь края. Пеллессе, сдѣлавшись главнокомандующимъ, отвергнулъ планъ.

(**) Въ бытность мою (20-го іюня 1856 года) во французской главной квартирѣ, я спросилъ маршала за обѣдомъ, въ присутствіи всѣхъ: «*Когда измѣнено направленіе главной атаки?*»—«Съ тѣхъ поръ, какъ я вступилъ въ командованіе арміей», отвѣчалъ Пеллессе; «до меня главная атака шла на Мачтовой бастіонъ (№ 4-й); я велѣлъ идти на Малаховъ». Тоже самое слышалъ я отъ генерала Виндама, который положительно сказалъ, что Пеллессе, вопреки мнѣнію другихъ, велѣлъ вести атаку на Малаховъ.

Осажденный между тѣмъ обращалъ все свое вниманіе на Городскую сторону (*) и намѣревался отбить назадъ траншеи передъ редутомъ Шварца, взятыя 20-го апрѣля; и для того значительно ослабилъ гарнизонъ Корабельной; переведя оттуда часть войскъ на Городскую сторону, и предпринялъ постройку передовыхъ траншей у Кладбища. Предпріятіе это снова послужило въ пользу непріятеля. Въ ночь на 10-е мая заложены траншеи на весьма значительное протяженіе у Кладбища — отъ люнега Бѣлкина до Карантинной бухты, почти безъ выстрѣла; но на слѣдующую ночь, произошло весьма кровопролитное дѣло, въ которомъ войска наши, подъ начальствомъ генераловъ Хрулева и Семякина, дрались съ рѣдкимъ мужествомъ и стойкостью, которымъ непріятель отдаетъ полную справедливость (**). Но предпріятіе не удалось и немогло удаться; половина вновь выведенныхъ траншей пала въ руки Французовъ въ эту же ночь, а другая половина была занята ими на слѣдующую ночь на 12 (24-е) мая (*примѣчаніе 5-е*). Работа наша послужила для непріятеля, который сейчасъ обратилъ взятыя имъ траншеи въ свои. «За чѣмъ вы строили траншеи на вашемъ правомъ флангѣ», говорилъ мнѣ генераль де-Салль: «вамъ пужно было усилить Корабельную, а не Городскую сторону, и не передовыми траншеями. Ваши укрѣпленія Городской стороны (бастіоны № 4, 5 и 6-й) были весьма сильны и до послѣдняго времени; я могу это засвидѣтельствовать, потому что испыталъ силу этихъ верковъ: я штурмовалъ центральный (5-й) бастіонъ 27-го августа (8-го сентября), и мои войска были тамъ отбиты, хотя они сдѣлали все, что возможно было сдѣлать» (***)

(*) Севастополь раздѣляется собственно на городъ или Городскую сторону и на Корабельную.

(**) Всѣ тѣ, съ которыми мнѣ случалось говорить объ этой ночи.

(***) Вышеизложенное приведено нами не для того, чтобъ набросить какую либо тѣнь на искусство Севастопольской обороны. И Наполеонъ дѣлалъ промахи. На войнѣ каждый дѣлаетъ ошибки, и одерживаетъ верхъ тотъ, кто дѣлаетъ ихъ менѣе, и умѣетъ пользоваться ошибками противника. При томъ, не надо забывать, что Севастополь можно было спасти и заставить непріятеля удалиться лишь зимою, для чего и были необходимы сильныя подкрѣпленія; въ описываемое же нами время уже было невозможно дѣйствовать противъ непріятеля наступательно, можно лишь было длить осаду на неопредѣленное время. Конечно, если бы непріятель былъ отбитъ отъ редутовъ 26-го мая, то вѣроятно не сталъ бы продолжать осады, а предпринялъ бы блокировать Севастополь съ Сѣверной, и это повело бы его къ предпріятіямъ, которыя имѣли и свои большія затрудненія, потому что не даромъ

Потеря наша въ ночь на 11-е мая была 2,821 человекъ убитыхъ и раненыхъ, а ночью на 12-е мая, когда въ передовыя траншеи посланы были только два баталіона, которые сейчасъ и отступили при появленіи значительныхъ непріятельскихъ силъ, по которымъ и открытъ сильный артиллерійскій огонь — 415 человекъ; на третью же сутки, когда съ нашей стороны оставили это предпріятіе, а только, по распоряженію генерала Семякина, производимъ былъ всю ночь картечный огонь по Французамъ, работавшимъ во взятыхъ ими траншеяхъ, только 88 человекъ. У Французовъ въ 1-ю ночь 2,000 человекъ; они приписываютъ значительность своей потери неопытности гвардейскихъ войскъ, бывшихъ въ дѣлѣ и весьма замѣшавшихся сначала; во 2-ю ночь 600 человекъ; въ 3-ю ночь около 300 человекъ, отъ одного только артиллерійскаго огня (*). Изъ сравненія обоюдныхъ потерь видно, что непріятель въ траншейныхъ дѣлахъ и вылазкахъ терялъ менѣе, чѣмъ Русскіе; принужденный же работать въ траншеяхъ подъ губительнымъ огнемъ нашихъ верковъ, онъ терялъ

же Пелиссье отвергъ планъ, присланный изъ Парижа, и рѣшился лучше riskнуть штурмовать передовыя верки.

Тотъ, кто защищалъ Корабельную съ такой энергіей и мужествомъ, и 6 мѣсяцевъ сидѣлъ въ этомъ аду, кто блистательно отбилъ союзныя арміи на штурмѣ 6-го іюня и тѣмъ надолго еще отклонилъ паденіе Севастополя, а равно и тотъ, кто укрѣпилъ Севастополь съ сухаго пути, тотъ, котораго инженерная слава можетъ равняться лишь съ славой Вобана, котораго единственнымъ помысломъ было остановить во что бы ни стало непріятеля, инженеръ, выказавшій столь удивительную энергію и предпримчивость — не нуждаются въ моихъ похвалахъ. Ихъ знаетъ армія русская, и непріятель зналъ ихъ и отдавалъ имъ полную справедливость. На перемірѣяхъ, бывало, французскіе и англійскіе офицеры съ живѣйшимъ любопытствомъ просили показать имъ генерала, защищающаго Корабельную, и знаменитаго (говорили они) русскаго инженера.

Скажемъ еще, и конечно не по поводу упомянутыхъ здѣсь защитниковъ Севастополя, но говоря вообще, что слава военная часто дорого покупается, и что для полководца, самыя побѣды его дѣлаются иногда причиною несчастій, начиная съ Велитарія, постигнутаго столь трагической участію, и до Суворова, жившаго въ отставкѣ, въ своемъ бѣдномъ имѣніи Кончанскѣ — побѣдители часто должны были расплачиваться за свои подвиги. Бибиковъ, посылаемый Екатериной противъ Пугачева, сказалъ ей:

Сарафанъ, ты мой сарафанъ,

На все ты, сарафанъ, пригожаешься,

А неадо сарафанъ — и подъ лавкой лежишь.

Мудрая государыня не разсердилась за этотъ упрекъ.

(*) Цифры эти слышаны нами отъ французскихъ офицеровъ; они немного несогласны съ цифрами, показанными въ книгѣ Ніеля; но кто поручится, что всѣ цифры въ книгѣ Ніеля показаны вѣрно.

много, тогда какъ наша потеря при этомъ была сравнительно менѣе, причина чему и очевидна.

Между тѣмъ была снова отправлена экспедиція, которую вернулъ Канроберъ: союзники заняли Керчь 13-го (25-го) мая; суда союзныхъ эскадръ вошли въ Азовское море; Анапа была брошена Русскими.

Со стороны Сапунъ-горы непріятель перешелъ въ наступленіе, занявъ селеніе Чоргунъ и сталъ на рѣкѣ Черной 13-го (25-го) мая.

Подъ Севастополемъ канонада, возбужденная траншейными дѣлами у Кладбища, стала утихать. Нѣкоторые признаки показывали, что непріятель намѣренъ устремить свои усилія на Корабельную, въ особенности на передовые редуты: ночью на 20-е мая (1-го іюня) Французы заняли наши ложементы передъ редутами за Киленъ-балкой и хотя были оттуда выгнаны, но успѣли провести новую траншею, которая, очевидно, не имѣла другой цѣли, какъ служить плацдармомъ для войскъ, которыя будутъ назначены штурмовать эти редуты.

25-го мая, въ три часа пополудни, открылась усиленная канонада и бомбардированіе противъ Корабельной, и въ особенности противъ передовыхъ редутовъ.

Пелиссье призвалъ къ себѣ нѣкоторыхъ начальниковъ для совѣщанія о штурмѣ передовыхъ укрѣпленій; говорятъ, большинство не одобряло этого предпріятія и самъ генералъ Ниель былъ противъ этого. Пелиссье отправился въ англійскую главную квартиру и нашелъ тамъ мнѣнія также не въ пользу своего плана. Лордъ Рагланъ, какъ человѣкъ тонкій, говорилъ неопредѣленно, но начальникъ инженеровъ, генералъ Джонсъ, положительно выразилъ свое мнѣніе противъ штурма редутовъ. Пелиссье настоялъ. «Я хотѣлъ, и это было исполнено», сказалъ онъ (*), говоря со мною объ этомъ днѣ, въ присутствіи своего начальника штаба и офицеровъ своей свиты (въ Чуфутъ-кале).

(*) За два дня до посѣщенія Пелиссье, былъ въ Бахчисараѣ генералъ Видамъ и разсказывалъ точно то же о взятіи редутовъ 26-го мая (7-го іюня). «День этотъ составляетъ неотъемлемую заслугу Пелиссье», говоритъ Видамъ: «онъ одинъ настоялъ на томъ, вопреки мнѣнію большинства, и показалъ здѣсь ту энергію, которою долженъ отличаться главнокомандующій. 26-е мая (7-е іюня) рѣшило судьбу Севастополя».

Условились произвести штурмъ вечеромъ 26-го мая (7-го іюня); Англичанамъ братъ передовыя траншеи бастіона № 3-го, которыхъ было тамъ построено много и самыхъ разнообразныхъ начертаній. Французамъ штурмовать три передовые редута, но отнюдь не идти далѣе.

Редуты наши были сильно разбиты бомбардированіемъ; артиллерія ихъ демонтирована, гарнизонъ же въ нихъ незначителенъ; въ Селенгинскомъ и Волинскомъ по двѣ роты, въ Камчатскомъ одинъ баталіонъ, ослабленные потерю отъ бомбардированія и унескою раненыхъ; надо сказать, что не изъ чего было дать болѣе гарнизону: на всей Корабельной находилось всего только 22 баталіона (въ апрѣльское же бомбардированіе было 40 баталіоновъ) и служба для войскъ была весьма тяжела; укрѣплений много; въ однѣ передовыя траншеи выходило каждую ночь 6 баталіоновъ. Съ наступленіемъ темноты, обыкновенно посылали рабочихъ и прикрытія на бастіоны и въ передовыя траншеи; такъ должно было произойти и 26-го мая. Но непріятель предупредилъ. Въ шесть съ половиной часовъ вечера пущены сигнальныя ракеты и Французы бросились на штурмъ; въ Камчатскомъ редутѣ стрѣляло только одно орудіе (*). Черезъ нѣсколько минутъ всѣ три редута были во власти непріятеля. По взятіи Камчатки, часть Французовъ (въ особенности Зуавы и стрѣлки, *les tirailleurs indigènes*) кинулись на Малаховъ, откуда ихъ прогнали съ большимъ урономъ; вслѣдъ за тѣмъ русскіе резервы съ генераломъ Хрулевымъ (**) и адмираломъ Нахимовымъ отбили назадъ Камчатку, но другая бригада французская овладѣла снова и окончательно Камчаткой.

День 26-го мая (7-го іюня) былъ критическимъ для Севастополя. Непріятель овладѣлъ значительнымъ пространствомъ и могъ теперь стѣснить совсѣмъ Корабельную, и если не штурмомъ, то однимъ бомбардированіемъ выжить Русскихъ оттуда. Успѣхъ этотъ весьма поднялъ моральную силу союзниковъ, далъ имъ въ руки наши передовыя укрѣпленія и открылъ непріятелю линію укрѣплений Корабельной, противъ которыхъ онъ могъ уже начать вести прямо подступы. Французы говорятъ:

(*) Слышано отъ офицеровъ 3-го Зуавскаго полка, бывшаго на штурмѣ Камчатки.

(**) Генералъ Хрулевъ былъ назначенъ начальникомъ Корабельной стороны 26-го и успѣлъ вступить въ командованіе послѣ полудня, за нѣсколько лишь часовъ до штурма.

— Если бы мы 26-го мая атаковали рѣшительнѣе и въ большихъ массахъ, то заняли бы всю Корабельную.

— Но что бы вы стали дѣлать, спросилъ я:—когда штурмъ 26-го мая былъ бы отбитъ, а это могло случиться, если бы въ редутахъ было болѣе гарнизона, и вообще на Корабельной болѣе войскъ (столько, напримѣръ, сколько было 6-го (18-го іюня)).

Французскіе офицеры сознаются, что въ такомъ случаѣ положеніе ихъ сдѣлалось бы затруднительнымъ, и такъ какъ въ союзной арміи мнѣніе большинства было противъ штурма редутовъ, то Пелиссье, какъ одинъ настоявшій на этомъ, и упалъ бы въ общемъ мнѣніи, и могъ быть удаленъ отъ командованія, которое, вѣроятно, тогда было бы поручено Боске; штурмовать же вновь севастопольскія укрѣпленія наврядъ бы стали, а всего вѣроятнѣе рѣшились бы на высадку у Качи. Но при такомъ образѣ дѣйствій осада Севастополя была бы приостановлена и трудно рѣшить, что бы произошло.

Успѣхъ 26-го мая (7-го іюня) увлекъ непріятеля. Французы, бросившіеся послѣ взятія Камчатки на Малаховъ и отбитые тамъ, увѣрили, что если бы они были поддержаны какъ слѣдуетъ, то взяли бы Малаховъ и кончили бы тѣмъ осаду. Пелиссье рѣшился сдѣлать штурмъ и на главныя укрѣпленія Корабельной, не разчитывая того, что успѣхъ 26-го мая произошелъ главнѣйше отъ малочисленности тогда войскъ на Корабельной и оттого, что передовыя постройки не были, да и не могли быть такъ сильны, какъ главные верки, и что теперь, вѣроятно, гарнизонъ тамъ значительно усиленъ.

5-го (17-го іюня) началось снова бомбардированіе Корабельной. На общемъ совѣщаніи между главнокомандующими рѣшили, по предложенію лорда Раглана, усилить канонаду 6-го числа на разсвѣтъ и черезъ два часа по восхожденіи солнца двинуть штурмовыя колонны (*). Вслѣдствіе чего и были сдѣланы первоначальныя распоряженія. Но около полуночи Пелиссье далъ знать лорду Раглану, что начнетъ штурмовать съ первымъ появленіемъ зори, то есть въ три часа утра. Виндамъ, говоря мнѣ о томъ, полагалъ, что если бы атака была сдѣлана, какъ первоначально соглашено, то воспослѣдовалъ бы успѣхъ. Но я

(*). Генераль Виндамъ говорилъ мнѣ, что лордъ Рагланъ предлагалъ штурмовать вездѣ, на всѣхъ пунктахъ.

разувѣрилъ англійскаго генерала, объяснивъ ему, что штурмъ не могъ бы и въ этомъ случаѣ удасться, потому что верки были недостаточно повреждены, артиллерія не демонтирована; между верками и передовыми траншеями оставалось еще значительное пространство, по которому должны были пройти штурмующіе подъ сильнѣйшимъ огнемъ, и наконецъ гарнизонъ Корабельной былъ достаточно силенъ и командовавшіе войсками на Корабельной приняли всѣ мѣры для отбитія штурма. Пелиссе сдѣлалъ тогда грубую ошибку.

Штурмъ 6-го іюня былъ блистательно отбитъ войсками нашими, подъ начальствомъ генерала Хрулева. Но перевѣсъ надъ обороной, пріобрѣтенный союзниками дѣломъ 26-го мая, былъ такъ важенъ, что неудача 6-го іюня не могла заставить ихъ снять осаду. Неудачу эту непріятель приписалъ ошибкамъ въ своихъ распоряженіяхъ и причинамъ вышеизложеннымъ и все таки сталъ продолжать осадныя работы, съ тѣмъ, чтобы наиболѣе приблизиться къ веркамъ и повторить штурмъ при лучшихъ условіяхъ. Теперь уже онъ не терялъ надежды взять Севастополь, считалъ лишь это дѣломъ отсроченнымъ.

Французы потеряли 6-го іюня 3,551, Англичане 1,295 (по официальнымъ свѣдѣніямъ); въ этомъ числѣ не находятся легко раненые и контуженные. Что союзники не потеряли болѣе въ этотъ день, объясняютъ они тѣмъ, что они не упорствовали въ штурмъ, и когда первыя колонны ихъ были отбиты, то не посылали резервовъ для повторенія атаки, увидя невозможность овладѣть верками.

Генераль Виндамъ говорилъ мнѣ, что Англичане всегда вѣрно показывали свою потерю, потому что имъ нельзя скрыть это, отъ парламента достанется министрамъ. Виндамъ полагаетъ, что и Французы всегда вѣрно показывали свою потерю. О нѣкоторыхъ дѣлахъ они не печатали вовсе своей потери; но официально обнародованныя цифры потери были всегда вѣрны.

9-го іюня былъ раненъ генераль Тотлебенъ пулею въ ногу.

По отбитіи штурма 6-го іюня, непріятель принялся дѣятельно (*) работать, ведя апроши на Малаховъ и бастионъ № 2-й.

Англичане же не подвигались впередъ работами. «Рѣшено было», говорили мнѣ Англичане: «что атаку поведутъ на Мала-

(*) Мы съ своей стороны сдѣлаемъ замѣчаніе, что нѣкоторыя цифры потери въ книгѣ Ніеля кажутся намъ уже очень малыми.

ховъ; Англичанамъ, слѣдовательно, было бесполезно вести апроши на Большой редантъ (№ 3-й), потому что (по ихъ мнѣнію), взявъ штурмомъ Большой редантъ, трудно было бы въ немъ удержаться, пока Малаховъ не взять; со взятіемъ же Малахова, Русскимъ нельзя будетъ держаться нигдѣ на Корабельной». Англичане почти оставили работы по апрошамъ и стали лишь вооружать нѣсколько новыхъ батарей, большею частью для дѣйствія по Малахову.

Остальные дни іюня огонь былъ слабъ. Въ іюлѣ же сталъ усиливаться. Русскіе начали воздвигать вторую оборонительную линію на Корабельной и непріятель сталъ сильно мѣшать этимъ работамъ.

Небольшія вылазки, которыя время отъ времени посылались осажденнымъ, наносили непріятелю главнѣйше тотъ вредъ, что онъ долженъ былъ держать постоянно ночью въ траншеяхъ значительную часть войскъ, которыя и терпѣли отъ нашего артиллерійскаго огня.

Въ половинѣ іюля, 16-го (28-го), умеръ лордъ Рагланъ и преемникомъ его сдѣланъ генералъ Симпсонъ, начальникъ главнаго штаба. Должность эта не существовала дотолѣ въ англійской арміи, гдѣ управленіе войскъ раздѣляется на двѣ части: генералъ-квартирмейстерскую и генералъ-адъютантуру (дежурство), не подчиненныя другъ другу. При лордѣ Рагланѣ были большія жалобы на Эйріе, генералъ-квартирмейстера арміи, котораго обвиняли, можетъ быть и несправедливо, во всѣхъ неудачахъ, вслѣдствіе чего для устранения несогласій былъ присланъ изъ Англій престарѣлый генералъ Симпсонъ въ званіе начальника главнаго штаба. По общему отзыву, Симпсонъ былъ человѣкъ рѣшительно безъ военныхъ дарованій. По мнѣнію даже самихъ Англичанъ, лучшая система устройства штабовъ есть французская, гдѣ и квартирмейстерская часть и дежурство соединены въ одно; гдѣ служба штаба считается такою же спеціальною, какъ и инженерная и артиллерійская служба, и для этой службы офицеры образуются въ особой, спеціальной школѣ. «Я не понимаю», говорилъ мнѣ маршалъ Пелиссе: «какъ можно было бы раздѣлить у насъ штабъ на двѣ части, подобно тому, какъ это у Русскихъ; у насъ штабныя распоряженія соединены въ одно и тѣсно связаны. Штабная служба мнѣ знакома», продолжалъ маршалъ: «я весь вѣкъ свой служилъ въ генеральномъ штабѣ. Для этой службы, подъ которою понимаемъ

мы и дежурство и личныхъ адъютантовъ, необходимо специальное образованіе, и наша школа генеральнаго штаба есть полезное для Франціи учрежденіе».

Въ десятыхъ числахъ іюля огонь сталъ значительно усиливаться и былъ обращенъ преимущественно на Малаховъ, 5-е отдѣленіе и 2-ю оборонительную линію, которую въ то время стали устропвать.

4 (16) августа произошло сраженіе на Черной. Общій отзывъ, который я слышалъ отъ всѣхъ объ этомъ дѣлѣ, состоялъ въ томъ, что позиція на рѣкѣ Черной весьма сильна и весьма сильно была занята союзниками. Французскіе офицеры генеральнаго штаба говорили мнѣ, что они ожидали главную атаку со стороны Корабельной на Камчатку и что у нихъ было извѣстно, что Русскіе атакуютъ 4 (16) августа. Въ траншеяхъ противъ Корабельной, 4-го августа было очень много войскъ. Полковникъ Воберъ рассказывалъ мнѣ, что маршалъ, прибывъ на полѣ сраженія, былъ недоволенъ, замѣтивъ, что французская артиллерія стрѣляетъ по русскимъ батареямъ и послалъ его съ приказаніемъ, чтобы артиллерія дѣйствовала по колоннамъ.

На другой день послѣ сраженія на Черной, открыто бомбардированіе противъ Корабельной; огонь этотъ съ 9-го августа сталъ немного слабѣе, но верки Корабельной все-таки сильно страдали. Потеря Французовъ, по словамъ ихъ офицеровъ, со времени занятія Камчатки, была 200, а иногда и 300 человекъ въ сутки, собственно на траншейныхъ работахъ. По словамъ генерала де-Салля, командовавшаго осаднымъ корпусомъ на лѣвомъ флангѣ, то есть, противъ города (генераль Боске командовалъ корпусомъ на правомъ флангѣ, противъ Корабельной), артиллерійскій огонь изъ города былъ всегда гораздо сильнѣе, чѣмъ изъ Корабельной; тихой сапы нельзя было вести противъ 4-го бастіона, противъ же Малахова и бастіона № 2-го тихія сапы подвигались постепенно, и къ концу августа атакующій былъ въ 30 саж. отъ бастіона № 2-го и Малахова; противъ 5-го бастіона одной траншеи внизу, въ лощинѣ, не могли никакъ соединить, несмотря на всѣ усилія, такъ огонь Русскихъ былъ смертоносенъ.

24-го августа непріятель открылъ страшную, по истинѣ, адскую канонаду по всѣмъ веркамъ Севастополя. Непріятель началъ огонь залпами и продолжалъ такъ часа два или три, потомъ совершенно прекращалъ пальбу; часа на три наступалъ штиль

и послѣ того снова залпы (*). Пелиссье говорить, что это было сдѣлано по его приказанію и что онъ велѣлъ уменьшать и совершенно прекращать огонь, чтобы ввести осажденнаго въ заблужденіе насчетъ штурма (**). 27 числа Пелиссье пришелъ въ одиннадцатъ съ четвертью часовъ въ Камчатку; много войскъ уже стояло въ траншеяхъ, остальные подходили. Пелиссье велѣлъ понемногу уменьшать огонь и въ полдень (безъ сигналовъ ракетами, то есть, не такъ, какъ 26-го мая и 6-го іюня) Французы пошли на штурмъ и заняли Малаховъ и бастионъ № 2-го; изъ послѣдняго выбиты были генераломъ Сабашинскимъ, но въ Малаховѣ удержались, потому что горжа помѣшала нашимъ резервамъ взойти опять въ укрѣпленіе и выбить непріятеля. Въ этомъ обстоятельстве, то есть, въ томъ, что Малаховъ палъ единственно по причинѣ горжи, Французы неохотно и съ трудомъ сознаются, потому что это тяжело для ихъ самолюбія, но однако, все-таки сознаются.

Свалка на Малаховѣ въ первый моментъ была такъ сильна, что орелъ 16-го легкаго (91-го линейнаго) полка былъ заваленъ грудой труповъ; его считали потеряннымъ и нашли нѣсколько часовъ позже, разбирая тѣла; я видѣлъ это знамя, оно изодрано картечью и на немъ замѣтны слѣды крови (**).

Генераль Буссау, командующій войсками на 4-мъ отдѣленіи, былъ убитъ около башни; *«il est mort à son poste»*, сказалъ мнѣ Пелиссье; Мортенпре прибавилъ, что онъ самъ видѣлъ тѣло генерала Буссау, лежавшее около башни, описалъ его примѣты и сказалъ, что онъ готовъ дать отъ себя официальное удостовѣреніе въ смерти Буссау, если этого требуютъ его родственники. Капитанъ-лейтенантъ Карповъ, комендантъ Малахова кургана, былъ взятъ въ плѣнъ, послѣ долгаго и геройскаго сопротивленія, и отведенъ на Камчатку. Генераль Мортенпре, видѣвшій его тогда, отзывался мнѣ съ полнымъ уваженіемъ о мужествѣ этого

(*) Мнѣнія многихъ частныхъ начальниковъ были опять противъ штурма. Я слышалъ, что генераль Нель предлагалъ вести мины противъ Малахова. Генерель Фроссаръ, начальникъ работъ противъ Малахова, одинъ изъ лучшихъ инженеровъ у Французовъ, раздѣлялъ во всемъ мнѣніа маршала.

(**) Слышано отъ маршала 20-го іюня.

(***) Нель говорить, что офицеръ, несшій этотъ орелъ, былъ убитъ и тѣло его нашли подъ грудою труповъ; руки его околѣбли на древкѣ орла.

офицера; онъ былъ отведенъ въ главную Французскую квартиру.

Въ 3 часа пополудни, Французы атаквали 5-й бастионъ и редуты Шварца и Бѣлкина, но были отбиты генераломъ Хрущовымъ съ огромнымъ урономъ; внутренность редута Шварца была совершенно устлана ихъ тѣлами. Де-Салль говорилъ мнѣ объ этомъ штурмѣ: «войска мои сдѣлали все, что могли, заняли редутъ Шварца, но заднія батареи стали бить по моимъ резервамъ; прикрыться нашимъ было нечѣмъ, Русскіе подвели резервы и отбили назадъ свое укрѣпленіе».

Англичане штурмовали 3-й бастионъ, заняли нисходящій уголъ, дрались долго, но не могли удержаться. Имъ надлежало проходить значительное пространство между ихъ передовыми траншеями и 3-мъ бастиономъ (болѣе ста сажень). «Послѣ штурма 6-го іюня», говорили мнѣ Англичане: «мы перестали вести апроши, потому что на общемъ совѣщаніи рѣшено было вести атаку лишь на Малаховъ и по достаточномъ приближеніи работъ штурмовать его». Наканунѣ 27 числа, Пелиссье далъ знать Симпсону, что будетъ штурмовать не одинъ только Малаховъ, но 2-й бастионъ съ куртеной и 5-й бастионъ. Тогда Англичане рѣшили, что имъ не ловко оставаться праздными и приготовились атаковать 3-й бастионъ. Передовыя траншеи ихъ были дурно сдѣланы, пробиваемы даже осколками, не было плацдармовъ для сбора войскъ предъ штурмомъ. Войска, штурмовавшія 3-й бастионъ, были подъ начальствомъ Виндама, который въ этотъ день, по отзыву всѣхъ Англичанъ и Французовъ, показалъ истинную неустрашимость и знаніе военного дѣла. Англичане понимаютъ, что имъ не удалось занять 3-й бастионъ потому, что въ немъ не было горжи (горжа была разрушена непріятельскимъ огнемъ еще прежде и не возобновлена) и Русскимъ была возможность ввести резервы во внутренность укрѣпленія и выбить атакующихъ; на Малаховѣ же этого нельзя было сдѣлать, оттого единственно Французы и удержались на Малаховѣ. Замѣчательно, что Виндамъ, идя на штурмъ 3-го бастиона, приказалъ людямъ своимъ отомкнуть штыки, чтобы перелѣзая ровъ и брустверь, люди не перекололи себя.

Англійскій генералъ, говоря со мною въ Бахчисараѣ вообще о военныхъ дѣйствіяхъ, утверждалъ, что схватка въ штыки бываетъ чрезвычайно рѣдко и лишь мелкими частями, что въ поле-

вомъ дѣлѣ почти невозможна схватка въ штыки. Я долженъ сказать, что въ Севастополѣ было вообще немного раненыхъ штыками, несмотря на то, что въ такой осадной войнѣ, при вылазкахъ и траншейныхъ дѣлахъ, могутъ быть случаи штыковой схватки чаще, чѣмъ въ полѣ. Въ дѣлѣ на 11 (23) мая генерала Хрулева, весьма кровопролитномъ, когда наши съ Французами дрались всю ночь на самомъ близкомъ разстояніи и стрѣляли почти въ упоръ, и съ обѣихъ сторонъ показали много мужества, раненыхъ штыками, по показаніямъ медиковъ нашего перевязочнаго пункта, было лишь въ пропорціи одного на 100 раненыхъ пулями. Виндамъ, занявъ исходящій уголъ 3-го бастіона, послалъ въ англійскія батареи сказать, чтобы они стрѣляли противъ 3-го бастіона также сильно, какъ бы тамъ вовсе не было Англичанъ; по его словамъ, артиллерійскій огонь Англичанъ былъ очень слабъ, что и помогло Русскимъ подводить резервы. На это я объяснилъ ему, что главнѣйшая причина неуспѣха Англичанъ состояла въ томъ, что внутрь 3-го бастіона было легко вводить намъ свѣжія подкрѣпленія; горжа не мѣшала тому; свѣжее же войско, приведенное въ укрѣпленіе, не въ разстроенномъ видѣ и въ массѣ, всегда должно выбить непріятеля, который, послѣ успѣшнаго штурма, непременно будетъ разстроенъ и въ безпорядкѣ. Артиллерійскій огонь, сколь бы онъ не былъ силенъ, не могъ бы остановить нашихъ войскъ при отбитіи 3-го бастіона, одна горжа лишь, давъ непріятелю закрытіе, могла бы помѣшать тому.

Въ 7 часовъ вечера маршалъ Пелиссье (*) догадался, что Русскіе очищаютъ городъ, замѣтивъ на мосту толпу людей, которая шла съ Сѣверной въ городъ и встрѣтись съ другою толпою, шедшею изъ города, послѣ взаимныхъ толковъ, вернулась будто бы обратно на Сѣверную. Съ наступленіемъ темноты, Англичане удостовѣрились, что 3-й бастіонъ оставленъ нами.

Въ случаѣ общей неудачи штурма, бомбардированіе было бы приостановлено, потому что заряды на батареяхъ уже истощались. Непріятель сталъ бы вооружать новыя батареи для дѣйствія по Корабельной и наполнять пороховые погреба на батареяхъ. Союзные офицеры говорили мнѣ, что въ эпоху послѣдняго штурма уже было выгружено до 200 новыхъ большихъ мор-

(*) Слышано отъ самого маршала.

тиръ, еще не поставленныхъ на батареи. Но затрудненіе для осаждающаго происходило не отъ недостатка орудій и зарядовъ. Моремъ можно было ему подвозить ихъ сколько угодно; затрудненіе было въ провозѣ и постановкѣ орудій на батареи и подносѣ туда снарядовъ и пороху; все это производилось не лошадьми, но людьми, и солдаты союзниковъ, особенно Англичане, дѣлали это неохотно, несмотря на плату, назначенную за этотъ трудъ; тогда какъ на севастопольскіе бастионы снаряды и порохъ подвозился на лошадяхъ, что и составляло значительную разницу въ быстротѣ перевозки. По всему вѣроятію, новое бомбардированіе началось бы не ранѣе, какъ чрезъ два мѣсяца послѣ штурма 27-го августа. Въ такомъ случаѣ, можетъ быть, Севастополь былъ бы очищенъ Русскими ранѣе.

По взятіи Севастополя наступило бездѣйствіе, хотя состояніе погоды даже до 10-го ноября (ст. ст.) вполне благоприятствовало военнымъ дѣйствіямъ.

Говорятъ, Пелиссѣ хотѣлъ сдѣлать осеннюю кампанію, но былъ остановленъ приказаніями изъ Парижа.

Общая потеря Англичанъ въ Крымской экспедиціи составляетъ, какъ говорили мнѣ ихъ офицеры, 21,000 человекъ похороненныхъ на востокѣ, то есть убитыхъ и умершихъ отъ ранъ и отъ болѣзней; выбыло же изъ строя во время кампаніи отъ неприятельскаго огня 18,000 или 19,000 убитыхъ, раненыхъ и тяжело контуженныхъ, изъ которыхъ многіе, разумѣется, вернулись обратно во фронтъ по выздоровленіи.

О потерѣ Французовъ за всю кампанію, я не могъ собрать положительныхъ свѣдѣній; они не были откровенны, поэтому и общихъ цифръ нельзя было отъ ихъ добиться. Полагаю, что потеря ихъ заключалась въ 70,000 или 80,000 убитыхъ и раненыхъ (выбывшихъ изъ строя), а можетъ быть и болѣе; сколько умерло у нихъ отъ болѣзней—не знаю; если въ той же пропорціи какъ у Англичанъ, то должно быть болѣе 80,000; но у Французовъ вообще люди менѣе болѣли, и потому я полагаю, что ими похоронено на востокѣ не болѣе 60,000 или 65,000 человекъ.

Рекогносцировки, произведенныя де-Саллемъ на нашемъ лѣвомъ флангѣ и достигавшія верхняго Бельбека, сдѣланы были (какъ мнѣ говорилъ самъ де-Салль), съ цѣлью удостовѣриться въ невозможности атаковать наши укрѣпленныя позиціи съ этой

стороны. Рекогносцировки эти были всегда хорошо прикрыты войсками, оставшимися въ Байдарской долинкѣ. « Не хотѣли ли вы атаковать меня, » спрашивалъ де-Салль 1 (13) или 2 (14) октября (кажется я не ошибся въ числѣ) « когда я спускался къ верхнему Бельбеку; я этого очень желалъ и въ инструкціяхъ, мнѣ данныхъ, вѣдно было заманивать непріятели; у меня съ собой было немного болѣе дивизіи; но на перевалѣ оставалось три дивизіи. »

Движенія д'Аллонвила со стороны Евпаторіи имѣли цѣлю лишь рекогносцировать пути во внутрь Крыма.

Итакъ, общее заключеніе, которое должно вывести о Крымской компаніи, состоитъ въ слѣдующемъ:

1) Предпріятіе это со стороны непріятели было чрезвычайно дерзкое.

2) Союзники сдѣлали важную ошибку, не взявъ Севастополь сейчасъ послѣ Альмскаго сраженія и вообще медлили.

3) Севастополь съ сухаго пути былъ укрѣпленъ, такъ сказать, передъ носомъ непріятели, и это конечно есть единственный примѣръ въ подобномъ родѣ.

4) Съ нашей стороны самая большая ошибка — неудачный ходъ Инкерманскаго дѣла и то, что послѣ Инкерманскаго сраженія не воспользовались труднымъ положеніемъ союзниковъ, не прислали значительныхъ подкрѣпленій въ Крымъ въ теченіе ноября и декабрѣ и не столкнули союзниковъ въ море.

5) Въ февралѣ 1855 года и даже въ концѣ января, вѣроятность успѣха уже перешла на сторону непріятели; съ нашей стороны можно было лишь длить осаду.

6) Большое развитіе системы передовыхъ траншей и ложементовъ было ошибкой, послужившей отчасти въ пользу непріятели.

7) День 26-го мая былъ кризисомъ въ осадѣ. Непріятель пріобрѣлъ тогда большой перевѣсъ.

8) Отбитіе штурма въ іюнѣ продлило осаду на значительное время и дорого стоило союзникамъ, заставивъ ихъ войти въ новыя траты людьми и средствами. 6-го іюня для Русскихъ войскъ было блестящее дѣло (*un brillant fait d'armes*).

Вообще, при оборонѣ Севастополя было выказано болѣе энергіи, чѣмъ при атакѣ.

9) Если бы штурмъ на Малаховѣ 27-го августа былъ отбитъ, то осада продлилась бы еще мѣсяца на два. Однако неприятель однимъ бомбардированіемъ заставилъ бы очистить Севастополь.

10) Союзники сдѣлали большую ошибку, не продолжая военныхъ дѣйствій послѣ занятія Южной стороны Севастополя.

II.

Приступаю къ изложенію того, что предстояло въ 1856 году.

Французская армія въ Крыму должна была состоять къ веснѣ 1856 года изъ $13\frac{1}{2}$ дивизій (*d'Autemarre, Levaiillant, Paté, Bouat, l'Espinasse, Bazaine, Faucheux, Dulac, Lamotterouge, Herbillon, d'Aurelle, Chasselou-Lobat, Faily* (*), и бригада *Sol*, которая назначалась собственно для гарнизона Камыша).

Въ каждой дивизіи 13 бат., изъ которыхъ одинъ стрѣлковый, вооруженный карабинами Минье (кромѣ того еще одинъ стрѣлковый баталіонъ); въ составѣ этихъ дивизій 3 зуавскихъ полка, вооруженныхъ нарѣзными ружьями. Итого, слѣдовательно, 176 баталіоновъ, которые къ веснѣ должны были быть въ полномъ составѣ (**); т. е. въ баталіонѣ отъ 500, до 600 человекъ, могущихъ быть дѣйствительно въ бою, что и составило бы до 100,000 пѣхоты. Кавалеріи $2\frac{1}{2}$ дивизіи (*Morris, d'Allonville* и бригада кирасиръ *Forton*), въ которыхъ 40 эскадроновъ и слишкомъ 200 полевыхъ орудій. Вотъ силы, которыя были бы въ расположеніи маршала Пелиссье. Полагать можно, что правительство французское усилило бы еще составъ этой арміи въ случаѣ возобновленія военныхъ дѣйствій весною 1856 года. Но вмѣстѣ съ тѣмъ,

(*) Нѣкоторые изъ этихъ генераловъ временно командовали дивизіями.

(**) На апрѣльскомъ смотрѣ, данномъ въ честь русскаго главнокомандующаго, армія французская была далеко не въ той числительности, въ которой она начала компанію; баталіоны были весьма слабы, часть войскъ находилась въ Евпаторіи и въ Байдарской долинѣ.

конечно, эти новыя подкрѣпленія служили бы лишь для пополненія убыли, неизбѣжной съ началомъ военныхъ дѣйствій, и для поддержанія по возможности въ войскахъ числительности вышеозначенной.

Подъ начальствомъ англійскаго главнокомандующаго весною 1856 года состояли слѣдующія войска:

53 пѣхотныхъ полка въ Крыму, 8 ротъ въ каждомъ полку и круглымъ счетомъ по 900 чел. въ полку.	47,000
---	--------

Изъ этого числа должно вычесть 3,000 назначенныхъ въ составъ полеваго обознаго вѣдомства (<i>Land-Transport corps</i>) и того	44,000
---	--------

Въ Англии и Мальтѣ 20 пѣхотныхъ полковъ, назначенныхъ для отправленія въ Крымъ и состоявшихъ уже подъ начальствомъ генерала Кендрингтона, всего	18,000
---	--------

Итого пѣхоты	62,000
— кавалеріи	7,000
— артиллеріи	9,500

Всего англійскихъ войскъ	78,500
------------------------------------	--------

Кромѣ того: иностраннй легионъ (<i>Voreign legion</i>)	9,000
Турецкій контингентъ Вивіана (<i>Turkish Contingent</i>)	19,000
Султанскіе козаки (<i>Sultans Cossacks</i>)	2,000
Инженерное вѣдомство	2,400
Полевое обозное вѣдомство (<i>Land Transport Corps</i>)	14,000

Общій итогъ	124,990
-----------------------	---------

Артиллеріи полевой болѣе 150 орудій.

При англійской арміи должно было находиться всего 36,000 лошадей.

По словамъ англійскихъ офицеровъ, изъ всего числа этихъ войскъ, въ бою не могло быть употреблено болѣе какъ 60,000 или 70,000 человекъ.

Пиемонтцевъ отъ 12,000 до 15,000, при 50 орудіяхъ.

Турокъ въ Евпаторіи отъ 15,000 до 20,000.

Планъ союзниковъ на 1856 годъ состоялъ въ томъ, чтобы овладѣть Крымомъ и окончить эту операцію не позже іюня (*).

Весенняя компанія должна была начаться атакой Геническа и Чонгара и демонстраціей на Алушту.

Занять Геническъ предполагалось отрядомъ керченскимъ, состоявшимъ изъ англійскихъ и французскихъ войскъ и контингента генерала Вивіана, примѣрно 30,000 или 35,000 чел.; при нихъ флотилія плоскодонныхъ судовъ (до 40 судовъ) для содѣйствія при атакѣ Чонгарскаго моста, потомъ, смотря по обстоятельствамъ, отрядъ этотъ долженъ быть находиться у Чонгарскаго моста или, разрушивъ его, отойти къ Геническу и оставаться тамъ.

Вслѣдъ за тѣмъ, главныя силы союзниковъ, 120,000 или 130,000, должны были высадиться и сосредоточиться между устьемъ Альмы и Булганакомъ, для чего нѣкоторыя войска прямо прибыли бы на пунктъ высадки изъ Скутари и другихъ мѣстъ, не заходя въ Камышь и Балаклаву. Главныя силы союзниковъ должны были наступать отъ Альмы, по направленію на Симферополь, или даже сѣвернѣе, и искать встрѣчи съ Русскою арміей.

Нѣсколько прежде того, назначалось дѣлать демонстрацію противъ нашего лѣваго фланга, Каралезскаго и другихъ ущелій, и направить туда значительную часть гойскъ, которыя не должны были атаковать нашихъ позицій, но занять ихъ въ случаѣ оставленія ихъ Русскими и тогда всей массой идти на Бахчисарай, и стараться войти въ связь съ главными силами союзниковъ. Предполагалось оставить на Черной и вообще противъ позицій нашей арміи 60,000 или 70,000, которымъ и дѣйствовать наступательно въ случаѣ оставленія Русскими позиціи Мекензіевой, Каралезской и Сѣверной. Союзники не предполагали, что мы, оставя позицію Мекензіеву, Каралезскую и проч., удержимъ Сѣверную, а думали, что всѣ эти позиціи будутъ одновременно брошены Русскими, когда главныя силы непріятеля будутъ наступать отъ Альмы. Планъ ихъ состоялъ въ томъ, чтобы мане-

(*) Помѣщенныя здѣсь свѣдѣнія мы отнюдь не выдаемъ за достовѣрныя. Было бы не скромно съ нашей стороны упоминать отъ кого и когда мы слышали о планахъ союзниковъ, хотя, конечно, по заключеніи мира, нисколько не предосудительно было говорить откровенно съ обѣихъ сторонъ о томъ, что еще хотѣли дѣлать, еслибы война продолжалась. Положеніе дѣлъ, бывшее тогда, уже не можетъ возобновиться.

врами и демонстраціями удерживать сколь можно долѣе войска наши на юго-западной оконечности Крымскаго полуострова и тѣмъ дать время главнымъ силамъ своимъ идти на Симферополь и отрѣзать отступленіе хотя части нашей арміи.

При самомъ открытіи компаніи, намѣревались произвести демонстрацію на Алушту, надѣлать тамъ поболѣе шума, чтобы привлечь туда вниманіе и часть русскихъ войскъ.

Изъ Кинбурна, въ лиманѣ Днѣпровскомъ также намѣревались дѣлать небольшія демонстраціи, отнюдь не вдаваясь далеко въ край.

Компанія 1856 года должна была открыться въ концѣ апрѣля, или по самому позднему разсчету въ началѣ мая, и продолжаться по ихъ предположенію не болѣе 14—20 дней. Въ французской и англійской арміи были приготовлены перевозочныя средства, чтобы поднять и везти вслѣдъ за арміей провіантъ на 15 дней.

По занятіи союзниками, въ случаѣ успѣха, Крымскаго полуострова, обѣ арміи — англійская и французская, должны были раздѣлиться, и направиться: Англичане въ Азію, Французы въ Бессарабію.

Въ Крыму предполагали оставить: Піемонтцевъ, турецкія регулярныя войска, англо-турецкій контингентъ, англійскій иностранный легіонъ и часть англійскихъ и французскихъ войскъ.

За тѣмъ, французская армія должна была идти въ Евпаторію, садиться на суда и плыть въ Одессу; по занятіи этого пункта сдѣлать изъ него главный базисъ для будущихъ своихъ дѣйствій, поручить Туркамъ осаду Измаила; французской же арміи идти внутрь края по направленію на Кишиневъ, и войти въ связь съ Австрійцами, въ дѣятельномъ участіи которыхъ въ войнѣ союзники не сомнѣвались. О подробностяхъ плана дальнѣйшихъ операцій французской арміи мнѣ неизвѣстно (*).

(*) Я скажу здѣсь мимоходомъ, что встрѣтилъ во французскомъ штабѣ офицера, знавшаго Крымъ также хорошо, какъ гдѣ изъ нашихъ офицеровъ, которые наилучше знали эту мѣстность. Капитанъ Давене показывалъ мнѣ ошибки на нашихъ топографическихъ картахъ и въ такихъ частяхъ края, гдѣ никогда не проходили французскія войска. Надобно отдать справедливость Французамъ, главное начальство ихъ арміи обращало особенное вниманіе на собраніе вѣрныхъ и подробныхъ свѣдѣній о непріятелѣ и краѣ, и эта часть была у нихъ отлично устроена. Офицеры генеральнаго штаба, которымъ это было поручено, знали очень вѣрно о всемъ, что у насъ дѣ-

По окончаніи дѣйствій въ Крыму, англійскую армію предполагалось посадить на суда въ Балаклавѣ и другихъ приморскихъ пунктахъ и отправить въ Требизондъ. Оттуда Англичане должны были идти въ Эрзерумъ и далѣе, и начать военныя дѣйствія противъ нашей Кавказской арміи. Планъ компаніи въ Азійи не былъ еще утвержденъ, правительство британское сильно желало, чтобы въ теченіи 1856 года, армія ихъ успѣла бы взять обратно Карсъ и даже проникнуть далѣе, но нѣкоторые изъ начальниковъ считали это неудобноисполнимымъ. Министерству былъ представленъ слѣдующій планъ дѣйствій: въ 1856 году ограничиться занятіемъ Эрзерума и устройствомъ хорошаго сообщенія туда изъ Требизонда, то есть разработать дорогу изъ Требизонда въ Гюмишь-Хане. Время года не позволило бы уже предпринять похода на Карсъ, но если бы русская армія перешла саганлугскій хребетъ, то союзники (Англичане и Турки) должны были идти на встрѣчу и стараться отбросить ее назадъ за Саганлугъ. За тѣмъ войти въ сношеніе съ Персіей; завести большую флотилію пароходовъ по Каспійскому морю, къ чему нужно было бы приступить еще въ 1856 году. Компанію 1857 года открыть наступленіемъ англо-турецкой арміи на Карсъ; не занимаясь осадой этой крѣпости, подъ которою для блокированія можно было оставить Турокъ, главныя силы должны были идти далѣе или на Эривань, чтобы войти въ связь съ персидской арміей, или сѣвернѣе, черезъ Ахалкалаки, прямо на Тифлисъ; избраніе операціоннаго пути зависѣло бы, разумѣется, отъ обстоятельствъ; часть турецкихъ войскъ должна была въ это время наступать въ Мингреліи и союзники надѣялись, что и Шамиль сдѣлалъ бы съ своей стороны что нибудь, хотя вообще надо сказать, что кав-

галось. Нѣкоторые изъ нихъ удивили меня своими свѣдѣніями о нашей арміи и краѣ.

Я слышалъ, какъ отъ офицеровъ французскаго генеральнаго штаба, которымъ поручена была эта часть, такъ и отъ нѣкоторыхъ изъ начальниковъ, что лазутчиками имъ служили Греки и также отчасти Жиды, но что отъ Татаръ, они ни разу не получали ни одного порядочнаго свѣдѣнія. Генералъ де-Салль въ особенности жаловался на Татаръ и говорилъ, что во время командованія его въ Байдарской долинѣ, гдѣ онъ находился нѣкоторое время съ цѣлымъ своимъ корпусомъ, много Татаръ служило ему лазутчиками, но они постоянно давали самыя пустыя, а часто и недѣльныя показанія. По увѣренію Французовъ, ни одному изъ ихъ лазутчиковъ не удалось проникнуть собственно въ Севастополь, они знали о происходившемъ тамъ лишь отъ перебѣжчиковъ, которыхъ было очень немного.

казскіе горцы, и въ особенности Шамиль, обманули ихъ ожиданія. Средства, которыми союзники могли бы располагать въ 1857 году, были весьма велики; они рассчитывали, что Персія выставитъ 50,000 армію, которая займетъ Карабахъ и часть Ширвана и прерветъ сообщеніе Тифлиса съ Каспійскимъ моремъ. Шамилю надо было бы занять главный путь сообщенія черезъ Кавказскій хребетъ. Главная же англо-турецкая армія, въ которой можно было бы считать тогда не менѣе 100,000, двинулась бы внутрь края. Закавказье подверглось бы тогда сильнымъ ударамъ. Три державы: Англія, Турція и Персія направили бы туда большую часть своихъ силъ и средствъ; Русскіе же въ это время заняты были бы серьезною войною въ Европѣ. «Повѣрьте, говорили мнѣ Англичане, что Англія, въ началѣ 1857 года, имѣла бы армію болѣе многочисленную, чѣмъ въ 1856 году; вы можете судить объ этомъ по сравненію теперешней (1856) численности нашей арміи съ численностію ея въ 1854 году, при началѣ восточной войны. Въ началѣ всякой войны, Англія будетъ имѣть недостаточно войскъ, потому что у насъ не хотятъ держать резервовъ въ мирное время, и это дѣлается съ намѣреніемъ: нація британская не желаетъ имѣть постоянно большую армію, считая это несогласнымъ съ своими учрежденіями, и притомъ наша главная сила есть флотъ. Но съ открытіемъ войны, у насъ не жалѣютъ денегъ, а денегъ у насъ много, и такъ, какъ мы владемъ морями, то торговля наша и мало страдаетъ отъ войны, и поддерживаетъ финансы въ хорошемъ состояніи.»

Къ веснѣ 1857 года, хотѣли перевезти въ Азію большую часть и тѣхъ англійскихъ или состоявшихъ на иждивеніи Англіи войскъ, которые были бы оставлены въ Крыму на 1856 годъ.

Я долженъ сказать, что, конечно, союзники дѣлали свои проекты и предположенія, рассчитывая на успѣхъ,—но что вѣроятно всѣ эти планы не исполнились бы для нихъ такъ удачно, какъ они того ожидали и надѣялись.

Отправленіе французскихъ войскъ въ Бессарабію, и англійскихъ въ Азію, навѣрное весьма бы замедлилось. Въ Азіи, Англичане встрѣтили бы множество затрудненій; вѣроятно имъ не удалось бы привлечь Персію на свою сторону; содержаніе англійской арміи внутри Малой Азіи и подвозъ туда всего нужнаго, весьма затруднилъ бы ихъ; гористая мѣстность края составила бы большую преграду ихъ наступательнымъ дѣйствіямъ и можно быть увѣреннымъ, что наша закаленная въ бояхъ и по исти-

нѣ непобѣдимая Кавказская армія покрыла бы себя новыми лаврами.

Въ заключеніе, не излишнимъ считаемъ сказать, что, по нашему мнѣнію, въ статьяхъ о восточной войнѣ должно избѣгать рѣзкихъ обвиненій кого либо. Ошибокъ преднамѣренныхъ въ военныхъ дѣйствіяхъ не было дѣлано. Каждый хотѣлъ сдѣлать какъ бы по лучше. Были промахи, но о нихъ нужно судить безъ гнѣва и озлобленія. Мы не говоримъ здѣсь о продовольственной части. По нашему мнѣнію, вышеприведенному, она не имѣла большого вліянія на ходъ военныхъ дѣйствій.

Мнѣнія о военныхъ дѣйствіяхъ могутъ быть различны. Два человѣка, одаренные одинакими военными талантами, могутъ быть совершенно различнаго мнѣнія о какомъ либо военномъ предпріятіи, оставаясь вполнѣ добросовѣстными и строго исполняя свой долгъ.

Въ печатныхъ сужденіяхъ о военныхъ дѣйствіяхъ надо быть умѣреннымъ, въ особенности тамъ, гдѣ дѣло идетъ о порицаніи. И безъ того иностранцы говорятъ, что Русскіе не умѣютъ судить безпристрастно, и вообще не умѣютъ судить, а умѣютъ лишь ругать и хвалить. Часто у насъ, къ сожалѣнію, какъ станутъ хвалить какого либо военнаго человѣка, то и предѣловъ нѣтъ этимъ похваламъ; порицать станутъ (иногда того же самаго, котораго за нѣсколько времени передъ тѣмъ перевозносили), то также границъ не знаютъ. Иныя статьи и пишутся единственно лишь для того, что бы одного *расхвалить*, а другаго *отдѣлать*.

Въ сужденіяхъ о военныхъ дѣйствіяхъ чрезвычайно трудно представить вѣрно, такъ сказать, общность ихъ, *ensemble*,—главныя черты. Сколькихъ споровъ случалось намъ бывать свидѣтелями, гдѣ сваливали причину неудачъ (побѣды вообще возбуждаютъ менѣе толковъ и споровъ) на разныя причины, при чемъ часто другъ друга обвиняли. Одинъ знаетъ о сраженіи такія то подробности, онъ и приписываетъ имъ исключительную важность; другой былъ на противоположномъ концѣ поля сраженія и видѣлъ совсѣмъ другое. И потому не слѣдуетъ быть поспѣшнымъ въ порицаніяхъ и произносить сужденія о промахахъ и ошибкахъ собственно въ военныхъ дѣйствіяхъ.

Тѣмъ, которые не принимаютъ сами участія въ военныхъ дѣйствіяхъ и которые смотрятъ съ досадою на отличія другихъ на войнѣ, очень пріятны бываютъ такіе споры и взаимныя обви-

непія. *Свои не опознаша своихъ.* При подобномъ взаимномъ обличеніи другъ друга, остаются чисты только тѣ, которые не были на войнѣ; они не ошибались, потому что и не воевали; они одни и выигрываютъ. Пора это понять.

Мы вполне раздѣляемъ мнѣніе, что надобно высказывать правду о военныхъ дѣйствіяхъ, чтобы и самыя неудачи могли быть для насъ поучительны и чтобы и изъ нихъ могли бы мы извлечь пользу; но, повторяемъ, надобно дѣлать это осмотрительно и произносить сужденія о лицахъ безъ жолчи и раздраженія. Въ примѣръ представимъ Французовъ и въ особенности Англичанъ, у которыхъ вовсе не было между военными, принимавшими участіе въ Крымской войнѣ—жаркой полемики, хотя, какъ извѣстно, Англичане въ прошлую войну имѣли болѣе неудачъ, чѣмъ успѣховъ. Обратно, Турки, въ особенности турецкіе начальники въ арміи, обвиняли безпощадно другъ друга въ причинахъ неудачъ, конечно не печатно, потому что у нихъ вѣдь гласности никакой уже нѣтъ.

ПРИМЪЧАНІЯ.

Примѣч. 1-е. Я видѣлъ въ первый разъ маршала Пелиссе въ день скачекъ, въ апрѣлѣ 1856 г. (не помню котораго числа). Нашъ главнокомандующій, генералъ Лидерсъ, былъ приглашенъ на завтракъ къ маршалу предъ скачкою. Я ѣхалъ въ то время на скачки и, проѣзжая французскую главную квартиру, встрѣтилъ тамъ офицеровъ главнаго штаба, съ которыми еще прежде познакомился; они упросили меня завтракать съ ними. Мы пришли въ небольшой баракъ, гдѣ была столовая офицеровъ главнаго штаба. Главнокомандующій завтракалъ въ баракѣ маршала. Подъ конецъ завтрака, вошелъ къ намъ маршалъ, ему назвали фамиліи нѣкоторыхъ изъ насъ; онъ сказалъ намъ нѣсколько любезныхъ фразъ.

Послѣ того я бывалъ часто во французской главной квартирѣ, иногда и по дѣламъ службы, и узналъ тамъ всѣхъ, начиная съ начальника штаба, но маршала никогда не встрѣчалъ. Однажды, офицеры французскаго генеральнаго штаба, говоря со мною, изъявили желаніе побывать и у насъ; я пригласилъ ихъ къ себѣ на завтракъ и они пріѣхали ко мнѣ въ Орта-Каралезъ 23-го апрѣля (5-го мая). Ихъ было шесть человекъ штабъ и оберъ-офицеровъ: де-Бомонъ, Пети, Булье, Перотенъ, Ферей и де-Саши. Мы ихъ угостили по походному, какъ умѣли; и разумѣется вино и большая часть провизіи было куплено у нихъ же, въ Балаклавѣ и Камышѣ, потому что тамъ это все было несравненно дешевле, чѣмъ у насъ. Впослѣдствіи, читалъ я въ одномъ

изъ французскихъ журналовъ небольшую статью, безъ подписи, объ этомъ завтракѣ, гдѣ были названы по именамъ я, какъ хозинъ, и нѣкоторые генералы наши, бывшіе на завтракѣ. Статейка эта написана была весьма остроумно. Авторъ ея (кажется де-Бомонъ, эскадронный командиръ генеральнаго штаба) очень тонко подсмѣивался надъ нашими обычаями. Шутки его, впрочемъ, нисколько не были злы и за нихъ нельзя было сердиться. Французы никогда не забываютъ *le mot pour rire*.

6 (18) іюня, часовъ въ десять утра, пріѣхалъ въ Бахчисарай маршалъ Пеллессе съ своей свитой. Его никто не ожидалъ. Они проѣхали въ ханскій дворецъ и тамъ на дворѣ сѣли подъ деревья и стали завтракать. Исправлявшій тогда должность начальника штаба войскъ, оставшихся въ Крыму, флигель-адъютантъ полковникъ Ахматовъ, узнавъ о пріѣздѣ маршала, сейчасъ пришелъ къ нему, чтобы встрѣтить и принять. Маршалъ чрезъ полчаса отправился къ нашему корпусному командиру, генералу Врангелю, пробылъ у него съ четверть часа и потомъ поѣхалъ въ Чуфуть-Кале (старинная крѣпость, населенная Караимами, на скалѣ, въ 3-хъ верстахъ отъ Бахчисарая). Корпусный командиръ долженъ былъ ѣхать въ тотъ день на полковой праздникъ въ Полтавскій полкъ, стоявшій на рѣкѣ Качѣ, и отправился туда. Узнавъ, что маршалъ въ Чуфуть-Кале, я поѣхалъ вслѣдъ за нимъ. Пошелъ сильный дождь. Прискакавъ въ Чуфуть-Кале, я засталъ маршала и его свиту за завтракомъ у тамошняго раввина. Генералъ Мартенпре представилъ меня маршалу. Они всѣ сидѣли за столомъ, уставленнымъ разными сластями и произведеніями восточной кухни. Маршалъ, повидимому, былъ не въ духѣ, вѣроятно отъ дурной погоды, мѣшавшей ему возвратиться въ свой лагерь. Дождь лилъ часа два. Все это время мы сидѣли въ большой комнатѣ у раввина. Маршалъ сначала принималъ мало участія въ разговорѣ. Я сидѣлъ между нимъ и генераломъ Мартенпре. Говорили объ осадѣ; зашла рѣчь объ африканской войнѣ и я сталъ припоминать, что зналъ изъ прежней службы маршала въ Алжиріи и подвигахъ его тамъ. Услыхавъ отъ меня эти подробности (я не задолго предъ тѣмъ читалъ его біографію), онъ улыбнулся и сталъ говорить самъ, поправляя сказанное мною. Разговоръ мало по малу оживился и лицо маршала прояснилось. Я замѣтилъ, что сейчасъ же и всѣ офицеры его свиты сдѣлались веселѣе и разговорчивѣе. Пеллессе рассказалъ нѣсколько подробностей объ осадѣ. Когда небо прояснилось, мы отправились

осмотрѣть достопримѣчательности Чуфутъ-Кале и потомъ поѣхали обратно въ Бахчисарай. Маршалъ и Мартенпре сѣли въ свою коляску, я ѣхалъ подлѣ верхомъ, другіе офицеры свиты ѣхали также въ экипажахъ. Проѣзжая чрезъ Бахчисарай, я сказалъ генералу Мартенпре, что приглашалъ захватить ко мнѣ офицеровъ ихъ свиты, но что они отозвались, что безъ разрѣшенія маршала не могутъ его оставить и принять мое предложеніе. Мартенпре передалъ это Пелиссье и отвѣчалъ мнѣ, что маршалъ самъ хочетъ зайти ко мнѣ. Я не ожидалъ такой чести. Такъ какъ въ то время коляска ихъ поравнялась съ той улицей, гдѣ была моя квартира, то я и попросилъ ихъ остановиться; въ коляскѣ нельзя было подѣхать къ моему дому. Маршалъ прошелъ ко мнѣ пѣшкомъ. Квартира моя была на дворѣ, во второмъ этажѣ дома, принадлежавшаго армянскимъ торговцамъ, и состояла изъ двухъ комнатъ. Въ большой комнатѣ былъ накрытъ столъ на четыре прибора (я ожидалъ къ себѣ обѣдать штабныхъ офицеровъ). Тогда было часа три пополудни. Войдя ко мнѣ, маршалъ увидалъ на стѣнѣ большой портретъ покойнаго государя, довольно грубой работы, и спросилъ, кого онъ изображаетъ. Я отвѣчалъ. Пелиссье сказалъ, что онъ видѣлъ только разъ покойнаго государя, въ 1818 году, когда онъ былъ великимъ княземъ (кажется это было въ Дуврѣ, какъ сказалъ маршалъ). Послѣ того, прибавилъ онъ, государь вашъ не былъ во Франціи; онъ не любилъ Луи-Филиппа. Я предложилъ моимъ дорогимъ гостямъ сѣсть за столъ, но маршалъ отказался, говоря, что это не часъ ихъ обѣда и что они спѣшатъ домой. На письменномъ столѣ моемъ маршалъ увидалъ нѣсколько книгъ и газетъ; большая часть изъ нихъ были французскія. Онъ взялъ одну книгу: это былъ кавказскій календарь и сталъ разбирать заглавіе; прочелъ *кален*, но буква *d* его остановила, я помогъ ему дочитать *a*, календарь, *calendrier*, сказалъ онъ. Я объяснилъ, что эта книга издана въ Тифлисѣ. Тамъ хорошо печатаютъ и вѣроятно содержаніе интересное, замѣтилъ онъ, и развернувъ книгу и найдя тамъ татарскія слова (названія селеній и урочищъ), передалъ ее своему начальнику штаба, сказавъ: *tenez, Martemprey, c'est pour vous*. Мартенпре сталъ разбирать эти слова. Пелиссье былъ веселъ, спросилъ меня, какая у меня квартира, нанятая или по отводу, допрашивалъ, нѣтъ ли молодыхъ сосѣдокъ, не ихъ ли я ждалъ обѣдать, звалъ къ себѣ и пробывъ минутъ съ десять, вышелъ. Проходя дворомъ, онъ замѣтилъ пятилѣтняго мальчика, хозяйскаго сына, и погляднвъ

его по головѣ, далъ ему пять франковъ. Толпа народа ждала его на улицѣ. Онъ сѣлъ въ коляску и поѣхалъ. Я проводилъ его за городъ. Съ маршаломъ пріѣзжали: генералъ Мартенпре, полковникъ Воберъ, эскадронный командиръ Апперъ и капитанъ Дюваль, его адъютанты, поручикъ африканскихъ конно-егерей Монтобанъ и еще одинъ пѣхотный офицеръ (кажется Дюпонъ, по фамиліи), ординарцы маршала, подполковникъ Фолей, комиссаръ отъ англійской арміи и кажется еще капитанъ д'Орлеанъ (адъютантъ Мартенпре) и докторъ (не помню фамиліи).

20-го іюня (ст. ст.) былъ я въ главной французской квартирѣ. Пріѣхавъ туда, я не нашелъ маршала; онъ ѣздилъ осматривать Альмское поле сраженія. Черезъ полчаса онъ возвратился. Я засталъ Пеллессе въ баракѣ его личныхъ адъютантовъ (которые въ то же время его секретари); онъ сидѣлъ за столомъ, за картою окрестностей Севастополя, и сталъ говорить со мною о сраженіи 4-го числа. Я напомнилъ маршалу, что онъ упомянулъ съ похвалою въ своей реляціи о 12-й дивизіи (первой, атакующей Французовъ), сказавъ, что она атаковала ихъ весьма храбро (*très-bravement*). Онъ спросилъ меня, кто ею командовалъ. Я отвѣчалъ, что это былъ генералъ Мартинау, отличившійся въ этомъ дѣлѣ, и на штурмѣ Севастополя, 27 августа, командовавшій на Корабельной послѣ того, какъ генералъ Хрулевъ былъ раненъ, и потерявшій тамъ руку, которую ему вылушили изъ плеча. «И онъ остался живъ?» спросилъ маршалъ. Я отвѣчалъ, что генералъ этотъ живъ и счастливо перенесъ операцію, несмотря на то, что ему 63-й годъ. Маршалъ повелъ меня въ свой баракъ; онъ раздѣлялся на двѣ половины, изъ которыхъ въ передней былъ кабинетъ маршала, а въ задней его спальня. Онъ началъ говорить объ осадѣ, и упомянувъ о дѣлѣ 26-го мая, сказалъ, что ему странно, что въ русской реляціи было показано два отбитыхъ орудія, тогда какъ Французы потеряли лишь одно (горное). Я отвѣчалъ, что и самъ дѣйствительно видѣлъ лишь одно орудіе и что, вѣроятно, это показаніе въ нашей реляціи вышло отъ ошибки. Говоря о Севастополѣ, я сказалъ, что ни въ одной войнѣ не было столь знаменитой осады, развѣ лишь Троянская, и привелъ стихъ Виргилія: *fuitus Troes, fuit Ilium* (Троя была, мы были Трояне). «Учатъ латинскому языку въ русскихъ кадетскихъ корпусахъ?» спросилъ онъ. — «Нѣтъ, г. маршалъ». Онъ сталъ спрашивать меня о числѣ этихъ заведеній въ Россіи. Пришелъ начальникъ штаба съ бумагами, я всталъ, чтобы уйти. «Секретовъ нѣтъ, оставайтесь»,

замѣтилъ Пелиссье. Я отвѣчалъ, что хочу идти на кладбище, на могилу генерала Реада. Маршалъ сказалъ мнѣ, что онъ велѣлъ похоронить генерала Реада на кладбищѣ главной квартиры и написать на памятникъ: *le général russe Read, mort au champ d'honneur, le 16 aout 1855*. Я отправился на кладбище, бывшее въ полуверстѣ отъ бараконъ главной квартиры; памятниковъ было тамъ немного; могилу генерала Реада покрывала плита изъ бѣлаго камня съ вышеупомянутою надписью. Невдалекѣ отъ нея были похоронены два офицера, французскій и русскій, смертельно раненые 4-го августа на Черной и умершіе въ одинъ день; нашъ офицеръ былъ Полякъ родомъ; памятникъ имъ былъ общій, двѣ рядомъ поставленныя плиты съ ихъ именами и днемъ смерти, а въ ногахъ небольшая плита, общая для обоихъ, съ надписью: *Requiescant in pace*. Оба были католики и вѣроятно, лежа въ одномъ баракѣ въ госпиталѣ, подружились и просили похоронить ихъ вмѣстѣ.

Я возвратился въ главную квартиру и засталъ маршала одного. Опъ сталъ говорить со мной объ отправленіи войскъ изъ Крыма, потомъ опять перешелъ къ осадѣ, вкратцѣ разсказалъ свои распоряженія въ день послѣдняго штурма; спрашивалъ объ Азіатской Турціи и о тамошнемъ главнокомандующемъ генералѣ Муравьевѣ. «Каковъ онъ собой? какихъ лѣтъ?» спросилъ онъ; и когда я описалъ наружность генерала Муравьева, то Пелиссье сказалъ: *je me le figurais maigre et elancé*. О планахъ дѣйствій на слѣдующую компанію онъ ничего не говорилъ и, разумѣется, я не смѣлъ ему дѣлать нескромныхъ вопросовъ.

Въ пять часовъ всѣ собрались къ обѣду въ столовый баракъ. Играла музыка, не помню какого пѣхотнаго полка. Обѣдали у маршала начальникъ штаба, три адъютанта маршала, Рансонъ, подполковникъ генеральнаго штаба, помощникъ начальника штаба, англійскій подполковникъ Фолей (коммиссары при французской арміи), Монтобанъ и еще человекъ три или четыре изъ главной квартиры. Маршалъ посадилъ меня около себя по лѣвую руку. Часто заходилъ разговоръ объ осадѣ. Пелиссье былъ веселъ, шутилъ и подъ конецъ обѣда, когда налили шампанскаго, онъ, обратясь къ Рансону, сказалъ: «предложите тостъ». Рансонъ замаялся, не зная, какой тостъ ему нужно предложить. Пелиссье самъ взялъ бокаль и сказалъ: «я, конечно, здѣсь старшій (*le doyen d'âge*) изъ всѣхъ офицеровъ генеральнаго штаба и потому въ этомъ качествѣ предлагаю тостъ за русскій генеральный

штабъ»; онъ чокнулся со мной бокаломъ. «Я не завистливъ», продолжалъ маршалъ, «но мнѣ досадно смотрѣть на Мартенпре, что онъ и въ чинѣ дивизионнаго генерала носить эксельбантъ» (то есть, состоятъ въ штабѣ); Мартенпре засмѣялся. «Я носилъ эксельбантъ до генераль-маіорскаго чина включительно», продолжалъ Пелиссье, «и кажется, *on ne m'a pas noué l'aiguillette*» (*).

Послѣ обѣда я оставался еще съ часъ. Маршалъ, прощаясь со мной, весьма любезно пригласилъ меня навѣстить его, если я буду во Франціи.

Пріѣхавъ въ Парижъ лѣтомъ 1857 года, я не засталъ маршала въ Парижѣ; привратникъ его дома сказалъ мнѣ, что онъ наврядъ будетъ ранѣ зimy. Это было въ концѣ іюля. Маршалъ пріѣхалъ однако къ 15-му августа, пмяннимъ императора, и узнавъ, что я былъ у него, прислалъ ко мнѣ адъютанта своего Аппера, который, не заставъ меня дома, оставилъ у меня приглашеніе на завтракъ на другой день. Маршалъ принялъ меня очень радушно. Сначала онъ меня не узналъ и когда адъютанты его меня назвали, онъ вскричалъ: *maint ce n'est pas lui, c'est son fils, il a l'air d'être son fils*. Черезъ два дня потомъ онъ снова уѣхалъ изъ Парижа. Въ декабрѣ, вернувшись въ Парижъ, я былъ у него снова нѣсколько разъ. Онъ мнѣ далъ свой портретъ, фотографію, не совсѣмъ удачно снятую съ него однимъ офицеромъ.

Маршалъ Пелиссье средняго роста, плотно сложенъ, но не тученъ; волосы почти совсѣмъ бѣлые, стрижены подъ гребенку, усы и мушка подъ нижней губой острижены коротко и чернѣе чѣмъ волосы на головѣ. Онъ имѣетъ прекрасный даръ слова, одаренъ замѣчательнымъ остроуміемъ и большой насмѣшливостью. Вообще онъ не говорливъ, но мнѣ случалось слышать, какъ онъ говорилъ одинъ—отъ начала до конца завтрака. Когда онъ примется описывать кого нибудь въ смѣшномъ видѣ, то порядочно отдѣляетъ. Впрочемъ, онъ вовсе не злой человѣкъ; всѣ коротко его знающіе отзываются согласно о томъ. Въ бытность мою въ Парижѣ, маршалъ говорилъ мнѣ о Русскихъ, съ которыми онъ познакомился и между прочимъ о нѣкоторыхъ русскихъ дамахъ. Отзывы его показывали человѣка хорошо знающаго свѣтъ и одареннаго тонкой наблюдательностью. Мнѣ всег-

(*) Извѣстная поговорка, относящаяся къ старинному повѣрью. Маршалъ хотѣлъ сказать этимъ, что онъ служилъ въ штабѣ съ честью.

да смѣшно, когда говорятъ, что маршалъ Пелиссье неучъ, грубый и необразованный человѣкъ. Эти клеветы пущены его врагами, которыхъ у него довольно; онъ вредилъ себѣ своимъ злымъ языкомъ. И потомъ онъ никогда не былъ льстецомъ и всегда сохранялъ свой *franc-parler*.

Маршалъ одаренъ необыкновенной энергіей. У него ясный взглядъ на военное дѣло; онъ знаетъ хорошо карту, мѣстность, имѣеть огромную опытность, проведя большую часть жизни въ Африкѣ, командовавъ тамъ небольшими отрядами и потомъ значительными частями войскъ. Ему всѣ роды службы хорошо извѣстны. Суетливости въ нѣмъ нѣтъ ни малѣйшей, онъ спокоенъ и хладнокровенъ. Послѣ дѣла въ пещерахъ Дары, кажется въ 1844 году, его укоряли въ жестокосердіи; но лишь печальная необходимость заставила его прибѣгнуть къ такой крутой мѣрѣ: задуть дымомъ Арабовъ, засѣвшихъ въ пещерахъ и отчаянно защищавшихся тамъ. Въ Крыму, въ свое командованіе, онъ не разстрѣлялъ ни одного шпіона; одинъ офицеръ генеральнаго штаба (капитанъ Давене) рассказывалъ мнѣ, что разъ привели Татарина, у котораго нашли русскій охранительный листъ и который слѣдовательно уличенъ былъ въ шпіонствѣ обѣимъ сторонамъ, и маршалъ Пелиссье ни за что не хотѣлъ приказать его разстрѣлять; по всему видно было, что онъ хотѣлъ опровергнуть эту ложную молву о его жестокости. Пелиссье кажется шестьдесятъ третій годъ.

Примѣч. 2-е. Въ книгѣ генерала Нисля показано, что въ Альмскомъ сраженіи было 55,000 (считая тутъ и 6,000 Турокъ, неучаствовавшихъ въ дѣлѣ). Цифры эти показаны по строевымъ рапортамъ, но мы знаемъ, что настоящее число людей, бывающихъ въ бою, всегда менѣе противъ числа войскъ, показанныхъ на бумагѣ. Точно также кажутся намъ странными и нѣкоторыя другія цифры числительности войскъ, показанныя въ книгѣ Нисля (въ концѣ каждаго мѣсяца онъ исчисляетъ силу французской арміи). Вѣроятно, что онъ показывалъ лишь цифры строевыхъ рапортовъ и притомъ число больныхъ у него не всегда показано и не всегда вычтено изъ общаго числа людей. Въ нашей арміи, также была огромная разница, между числомъ людей, состоявшихъ на провіантѣ, и числомъ людей, могущихъ быть въ бою.

Примѣч. 3-е. Мы приводимъ здѣсь въ переводѣ небольшой отрывокъ изъ сочиненія генерала Нисля, стр. 179—181.

«Вообще принято мнѣніе, что вылазки должно дѣлать съ небольшимъ числомъ людей. Когда въ ночную вылазку посылается много войскъ, то ими трудно распорядиться и направлять. Солдаты идутъ впередъ не видя въ темнотѣ цѣли атаки и попадаютъ часто въ другое мѣсто, часто стрѣляютъ въ своихъ; наконецъ, менѣе храбрые изъ нихъ уходятъ изъ боя, пользуясь суматохой и темнотой.

«Денная вылазка не представляетъ такихъ неудобствъ, и здѣсь должно сказать, что осада Севастополя затрудненіями и опасностями значительно превосходила обыкновенныя осады, и мы говоримъ здѣсь не о гигантскомъ вооруженіи этой крѣпости, не о неистощимомъ ея снабженіи, но только объ относительной числительной силѣ траншейныхъ карауловъ и гарнизона крѣпости.

«Вобанъ говорить, что до него полагали, что осаждающій долженъ быть въ десять разъ сильнѣе осажденнаго, но что въ его время уже рѣшились осаждать крѣпость при пропорціи шести или семи противъ одного, потому что осады сдѣлались менѣе продолжительными, и такимъ образомъ, не утомляя людей, можно было посылать въ траншейный караулъ часть войскъ, равную числительной силой тремъ четвертямъ гарнизона и слѣдовательно достаточную, чтобъ отбить самыя большія вылазки, которыя могъ бы сдѣлать осажденный.

«Въ Севастополѣ, гарнизонъ состоялъ обыкновенно изъ 40,000 человекъ, и онъ могъ быть удвоенъ когда угодно, потому что крѣпость имѣла постоянное сообщеніе съ арміей, стоявшей подлѣ. По обыкновеннымъ правиламъ атаки, надо было, слѣдовательно, посылать ежедневно въ траншею около 30,000 человекъ, что было невозможно исполнить, потому что независимо отъ рабочихъ, посылаемыхъ ежедневно на траншею и батареи, и необходимаго караула въ укрѣпленіяхъ циркумвалаціонной линіи, нужны были еще рабочіе для постройки дорогъ, госпиталей, магазиновъ, для выгрузки и переноски продовольственныхъ запасовъ, снарядовъ и прочихъ тяжестей, а также и для вязки и переноски фашиновъ и туровъ, для чего рабочіе посылались въ мѣста далѣе Балаклавы.

«Такимъ образомъ, не давая почти отдыха людямъ, все-таки можно было посылать въ траншейные караулы не болѣе трехъ или четырехъ баталіоновъ, на каждую изъ нашихъ обѣихъ атакъ (то есть лѣваго фланга противъ города, и праваго фланга про-

тивъ Малахова), которые, раздѣленные значительнымъ разстояніемъ и глубокими оврагами, не могли оказывать взаимнаго содѣйствія. Эти грозныя батареи, которыя во время осады нанесли такой вредъ непріятелю, были прикрыты обыкновенно лишь 2,000 или 2,500 человекъ, а большой калибръ севастопольскихъ орудій принудилъ союзниковъ отдалить ихъ лагеря на такое разстояніе, что если Русскіе сдѣлали бы большую вылазку на разсвѣтѣ, то они могли бы легко опрокинуть траншейный караулъ и разрушить наши батареи, прежде, чѣмъ наши подкрѣпленія прибыли бы на мѣсто боя. Хотя и старались отчасти отстранить эту опасность, ставя резервы за небольшими возвышеніями между траншеями и лагеремъ, но наши батареи, однако, ежедневно могли быть атакованы силами, въ десять разъ превосходившими ихъ прикрытіе.

«Различныя работы по воздвиженію и вооруженію верковъ, произведенныя Русскими во время осады, безъ сомнѣнія заслуживаютъ полного удивленія; но нельзя столько же похвалить ихъ систему обороны. Обширный тетъ-де-понъ, съ удобными выходами, вооруженный 1,500 орудій и очень хорошо укрѣпленный, но лишенный эскарповъ, по нашему мнѣнію, не долженъ быть обороняемъ такъ, какъ былъ обороняемъ Севастополь, по правиламъ осады крѣпости блокированной. Большія вылазки днемъ остановили бы осаду (*auraient rendu le siège impossible*); подобная вылазка была произведена 5-го ноября 1854 года (*), но въ ней было немного войскъ послано, и надо замѣтить, что вылазка эта началась въ десять чассъ утра, во время сраженія на Инкерманѣ, когда генералъ Форея уже стоялъ въ ружьѣ, со всѣми своими войсками.»

На мнѣніе генерала Ніеля о денныхъ вылазкахъ можно возразить, что исполненіе ихъ было бы крайне затруднительно, потому что штурмовать такимъ образомъ цѣлый амфитеатръ батарей, не демонтированныхъ, не поврежденныхъ, было бы труднѣе во всякомъ случаѣ, чѣмъ штурмовать севастопольскіе верки, которые были значительно повреждены бомбардированіемъ, и отъ которыхъ, не смотря на то, неоднократно отбивали непріятеля, хотя ему и легче было подвести войска для штурма по траншеямъ и потомъ броситься вдругъ изъ траншей, чѣмъ намъ выводить войска изъ верковъ тѣсными выходами и строить ихъ подѣ

(*) Вылазка генерала Тимофеева.

страшнымъ огнемъ непріятельскихъ батарей. Вылазка генерала Тимофеева имѣла успѣхъ незначительный (заклепано нѣсколько орудій, которыя непріятель отклепалъ на другой день), но къ счастью, генераль Лурмель, запальчиво преслѣдуя Русскихъ, попалъ подъ огонь нашихъ верковъ, и потеря Французовъ отъ этого обстоятельства превосходила нашу потерю.

Замѣчаніе генерала Ниеля на счетъ ночныхъ вылазокъ въ большихъ размѣрахъ мы признаемъ совершенно справедливымъ.

Примѣчаніе 4-е. Книга генерала Ниеля, стр. 214 (о ложе-ментахъ передъ редутомъ Шварца):

«Такимъ образомъ, Русскіе, утрируя свою систему ложементовъ, которые столь стѣсняли насъ въ работахъ и которые непріятель покидалъ при нашемъ приближеніи, а мы не могли занять и удержать подъ огнемъ его артиллеріи, вознамѣрились слишкомъ смѣло предпринять контръ-апрошныя работы ближе къ нашимъ траншеямъ, чѣмъ къ крѣпости. Ниже увидимъ, что это предпріятіе обратилось имъ же во вредъ.»

Примѣч. 5-е. Ниель, стр. 252 (о дѣлѣ 11-го мая).

«Работы, предпріятыя осажденными въ ночь съ 21-го на 22-е мая (пов. ст.), имѣли такіе обширные размѣры, что онѣ образовали скорѣе укрѣпленный лагерь передъ Карантиннымъ (№ 6) бастиономъ, чѣмъ контръ-апрошный веркъ. Если Русскіе смогли бы тамъ удержаться, то осада города сдѣлалась бы невозможною, потому что въ части нашихъ траншей нельзя было бы укрыться отъ огня съ высотъ кладбища и мы были бы безпрестанно угрожаемы быть взятыми во флангъ значительными силами, которыя непріятель могъ бы собрать тамъ скрытно отъ насъ. Но намѣреваясь такимъ образомъ осаждать насъ въ нашихъ траншеяхъ, и начавъ работы гораздо ближе къ нашимъ траншеямъ, чѣмъ къ крѣпости, Русскіе большею частью теряли бы содѣйствіе своей артиллеріи, и были бы принуждены располагать свои резервы внѣ оборонительной стѣнки въ Карантинномъ оврагѣ. Между тѣмъ, двѣ наши батареи №№ 45 и 46, вооруженныя полевыми орудіями, анфилировали этотъ оврагъ перекрестнымъ огнемъ. Это предпріятіе болѣе смѣлое и рискованное (*plus hasardé*), чѣмъ то, въ слѣдствіе котораго мы овладѣли контръ-апрошнымъ веркомъ 2-го мая (траншеями передъ редутомъ Шварца), должно было повлечь за собою кровопролитную борьбу, о которой осаждающій сожалѣлъ (*que l'assiégant regrettait*), потому что его рѣшительные удары должны были направиться на дру-

гой пунктъ, но которая должна была неминуемо повернуться въ его пользу. Новыя траншеи Русскихъ такъ выдавались за наши, что изъ верка (2-го мая) виденъ былъ тылъ болѣе половины траншеи, параллельной стѣнкѣ Кладбища, и анфилировалась большая часть траншеи сообщенія, которая, отъ лѣваго конца траншеи у Кладбища, спускалась въ Карантинный оврагъ и соединялась съ центральнымъ (№ 5) бастиономъ. Пули нашихъ стрѣлковъ заставили Русскихъ сейчасъ очистить эти части ихъ траншей». (Послѣднее сказано о днѣ 10-го мая, предшествовавшемъ ночному дѣлу).

А. ЦИММЕРМАНЪ.